
Огонек
13
В.С.Х.В.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕРВОГО МАЯ В МОСКВЕ

Фото Л. Великжанина, Н. Кубеева (ТАСС) и М. Озерского

На обложке: рисунок художника Н. Малолеткова. На последней странице обложки: сцена из 4-го действия пьесы А. Чехова „Три сестры" в постановке Московского Академического Художественного театра. Справа налево: Маша — народная артистка СССР А. Тарасова, Ирина — заслуженная артистка РСФСР А. Степанова, Оля — народная артистка РСФСР К. Еланская. Фото А. Горнштейна.

18-й год издания

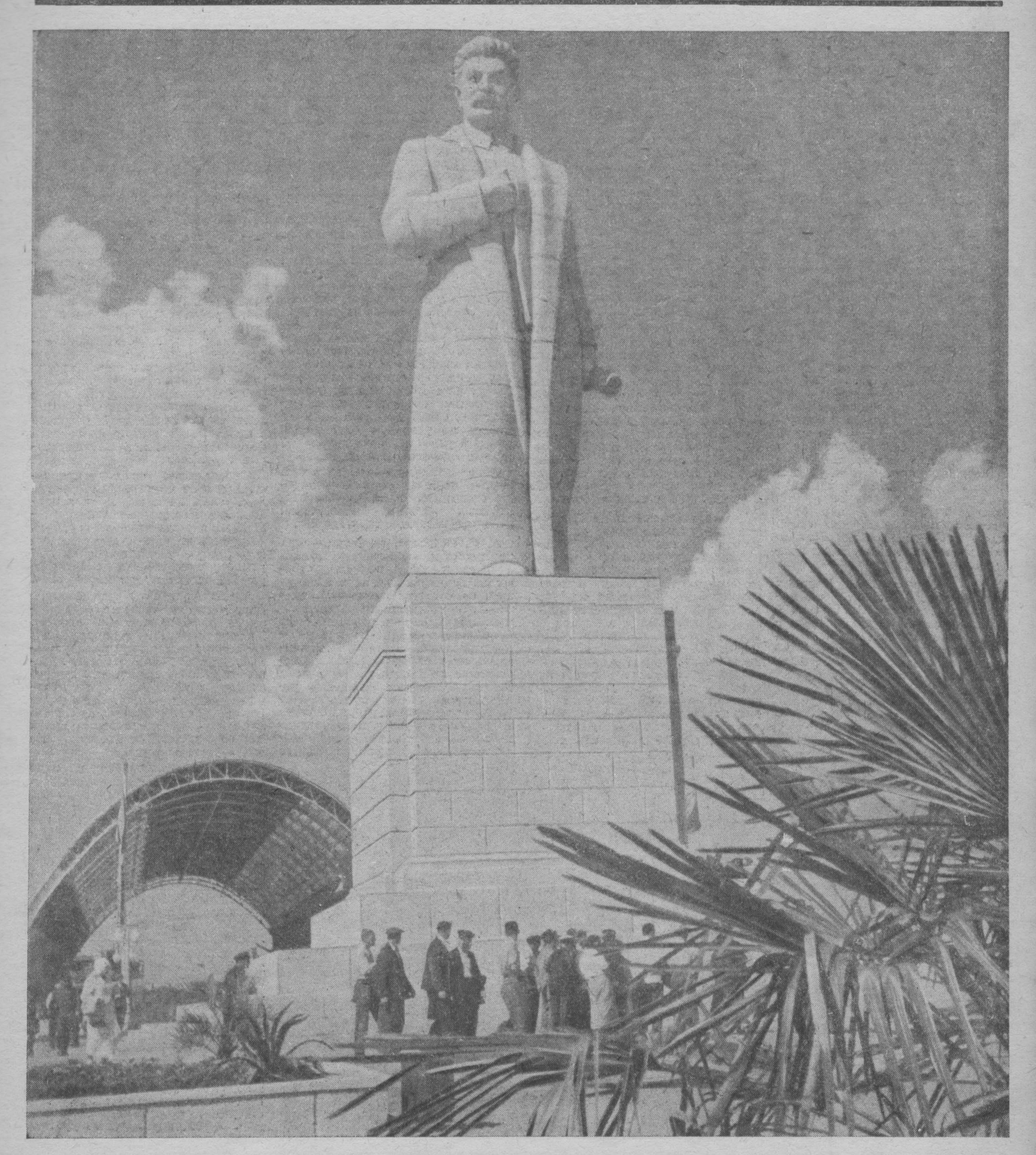
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Огонек

№ 13
(700)
10 мая
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Монумент И. В. Сталина на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Работа скульптора С. Меркурова.

Фото Ю. Амурского.

М. Полевой

ГЕРОИНИ

В дореволюционные годы ярославские мужики вели наиболее оживленную переписку с Москвой, точнее, с ее бесчисленными, разбросанными по всем площадям и переулкам трактирами, столовыми и чайными. В каждом таком заведении ярославцы имели родичей или, на худой конец, добрых знакомых. На москвичей возлагались всегда большие надежды. Едва подрастет, бывало, парнишка, и в семье уже мысленно примеряют к нему сапожки с глянцевыми голенищами и алую сатиновую рубаху полотера: ловок ли, удался ли молодец, не забракует ли хозяин в Москве?

Ярославская губерния испокон веков поставляла старой Москве сидельцев и полотеров. Этим только и отличались ярославцы от вологодцев или пермяков, также бежавших от земли-мачехи в город, на заработки. Одна губерния славилась своими полотерами, другая—банщиками, третья—искусными печниками.

Недавно из Ярославской области, Костромского района, деревни Костенева, поступило в адрес Александры Сергеевны Сергеевой такое письмо: «Дорогая Александра Сергеевна, мне хочется жить и работать у вас, в Алтайском крае. Я не колхозница, телефонистка на коммутаторе. Имею образование. Я мало понимаю в колхозном деле, но ведь мне только 18 лет, я у вас буду учиться и надеюсь, что скоро освою колхозную работу. Примите меня в ваш колхоз. Вера Иванова».

Что побудило Веру Иванову написать это письмо? Ведь в любой другой стране молодая девушка-крестьянка, выбившаяся в телефонистки, считала бы себя счастливейшим человеком. Возможно, ее прельстила слава А. С. Сергеевой — слава женщины, впервые в истории человечества собравшей 617 пудов пшеницы с гектара? Тогда об этом как-то говорилось бы в письме. Но Вера Иванова если и ищет славы, то в труде—в творческом труде, который сам по себе является делом чести, доблести и геройства.

В Александре Сергеевне Сергеевой привлекает прежде всего одна черта—дерзание, смелый, творческий труд. Именно это позволило ей совершить замечательный трудовой подвиг и оставить далеко позади наивысший, собранный учеными Европы урожай пшеницы. 83 центнера пшеницы было собрано несколько лет назад на маленьком опытном клочке земли в Италии. А. С. Сергеева вместе с другими инициаторами ефремовского движения, поднятого страной на всенародный щит Сельскохозяйственной выставки, открыла новую эру в культуре яровых пшениц.

Экспонатная пшеница тов. Сергеевой показана в Павильоне Сибири так, как она выглядит в поле. Она точно воспроизводит полевой участок в колхозе имени Политотдела на Алтае. Густой стеной стоит «на корню» высокая, с тяжелым, налитым колосом пшеница. Подсчитайте, сколько колосьев на крохотной делянке в 1 квадратный метр? 906 колосьев. Вдвое больше, чем дает поныне, при обычных способах сева, даже хорошо обработанная и урожайная колхозная земля.

Делянка Сергеевой в Павильоне Сибири напоминает об одном интереснейшем эпизоде, неразрывно связанном со всей историей ефремовского движения. Обходя как-то свои поля, пытливо всматриваясь в каждый стебелек, М. Е. Ефремов наткнулся однажды на небольшой лоскуток земли с густым, обильным хлебостоем. На квадратном метре он насчитал 1000 полноценных, многозерных колосьев. Счастливая находка навела М. Е. Ефремова на думу: 1000 колосьев на 1 квадратном метре—это 70—75 центнеров пшеницы с гектара. Значит, можно вырастить такой урожай.

Но как? Как сделать, чтобы два колоса росли там, где прежде рос один?

Ефремовцы начали с простой, казалось бы, вещи—с нормы высева семян, издавна считавшейся научно проверенной и нерушимой. Почему семена высевают механически, по весу? Не лучше ли строить расчет по количеству зерен на каждый квадратный метр и по числу зерен в 1 килограмме высеваемой пшеницы? В килограмме Цезиума, например, 25 тысяч зерен, а в килограмме Мильтурум 30—32 тысячи зерен.

Так родились новые, ефремовские нормы высева.

Однако на пути ефремовцев оказалось другое препятствие, сводившее на-нет смысл уже взятого барьера,—рядовая сеялка. Меж рядами она оставляет пустующую полосу в 13—15 сантиметров, а в самом рядке, где обитают растения, неимоверная теснота. Каково же будет растениям, если увеличить высев семян и заставить их давать 1000 колосьев на квадратный метр!.. Выход был найден в шахматном и широкорядном способах сева, гарантирующих растению необходимую площадь питания: они не теснят, не угнетают друг друга, междурядия не пустуют и не служат приютом для сорняков.

Одно звено потянуло за собою другое, пока не сложилась хорошо скованная новаторами-стахановцами единая, комплексная цепь ефремовской агротехники.

А. С. Сергеева, пожалуй,—одна из наиболее талантливых алтайских звеньеводов, искусно владеющих верными ключами к высоким, сталинским урожаям. Свою заботу о создании всех жизненных условий для растений она проявляет повседневно и всечасно, в большом и малом. А. С. Сергеева собрала урожай, какого земля еще не давала. И все же эта богатая жатва—не ее личный рекорд, не случайная, пусть и блистательная, удача одиночки-рекордсмена, а рекорд, подготовленный и завоеванный ефремовским движением, подтверждающим, что при социализме, при новом, стахановском отношении к земле, урожай ничем не может быть ограничен.

В минувшем, 1939 году, богатом непревзойденными рекордами мастеров социалистического земледелия, в Новосибирской области—соседней с Алтайским краем—отличилась другая выдающаяся стахановка—Анна Кондратьевна Юткина.

В феврале, перед севом, она была приглашена в Новосибирск на совещание передовиков сельского хозяйства. С трибуны совещания тов. Юткина произнесла простую, немногословную речь, обещав вырастить самый большой в стране урожай картофеля—1000 центнеров с гектара. Но тотчас же после того, как она покинула трибуну, к ней подошел один из присутствовавших здесь агрономов и спросил:

— А как вы, Анна Кондратьевна, смотрите насчет того, чтобы Америку обогнать?

— То есть, как это обогнать?—ответила, недоумевая, Юткина.

— Да так, по-настоящему, по-серьезному обогнать,—сказал агроном.—Вы обязались 1000 центнеров собрать, а в Америке самый рекордный урожай — 1100 центнеров. Понимаете ли, вам до этого рекорда 100 центнеров не хватает. Всего 100 центнеров. Где 1000, там и 1100. Дотянете,—ободряюще заключил он.

Анну Кондратьевну, трезво взвесившую осуществимость заманчивого предложения, снова потянуло на трибуну. Она передала колхозникам свой разговор с агрономом и вызвалась собрать не 1000 и не 1100, а 1200 центнеров картофеля.

Многолетний опыт стахановской работы на картофельных полях, опыт, на котором основывала Анна Кондратьевна свое убеждение в возможности обогнать Америку, не обманул ее: на рекордном участке она собрала 1217 центнеров картофеля с 1 гектара—7½ тысяч пудов картофеля!..

Агджа Алиева из села Сабир, в Азербайджане, стяжала себе славу лучшего хлопкороба страны. Хлопок обладает удивительным свойством обильного плодоношения. Дай ему вволю воды, хорошо обработай почву, снабди растение необходимыми питательными веществами, чтобы оно не голодало, чтобы не опадали бутоны и цветы,—и с каждого куста можно снять 100 и более коробочек «белого золота».

Агджа Алиева любит и знает свою культуру, она бережно и тщательно выхаживает свою плантацию, ибо каждый кустик, каждая коробочка—это слагаемые снимаемого ею из году в год рекордного, небывалого урожая. Давно ли на весь мир прогремело имя узбекского хлопкороба Ибрагима Рахматова, впервые получившего 100 центнеров хлопка с гектара? Агджа Алиева вот уже второй год снимает более 150 центнеров хлопка с гектара.

И в алтайских степях, и на хлопковых плантациях Закавказья, и на некогда скудных землях Полесья люди колхозного труда смело покоряют природу, дерзают, открывают новую эру социалистического земледелия.

К Надежде Григорьевне Заглада, в село Высоко-Украинское, на Житомирщине, часто приезжают звеньевые, агрономы, журналисты. И всех поражает одно: как она, не будучи льноводом, добилась мирового рекордного урожая льна?

Анна Кондратьевна Юткина, звеньевая колхоза «Красный Перекоп» (Маринский район Новосибирская область).

Звено А. К. Юткиной.

Два года назад неожиданно для всех Заглада вдруг решила заняться льном.

— Урожаи льна, — вспоминает Заглада, — были в нашем колхозе очень низкие. Обидно было. Потянуло заняться льном...

Она предложила звеньевым соревноваться за 10 центнеров с гектара.

— А ты сама попробуй, — усмехнулись они.

В тот же вечер Заглада дала собранию слово получить 12 центнеров волокна. Это было смело и дерзко: колхозница, никогда не знавшая агротехники льна, взялась получить наибольший в артели урожай.

Нередко Надежду Григорьевну удручали сомнения. Но она уже испытала, знала силу и возможности коллективного труда. Ее уверенность питали рекордные урожаи свеклы, какие она собирала.

На первых порах Заглада опиралась на практику членов своего звена, опытных льноводов. Она цепко держалась советов агронома, внимательно читала литературу, училась на курсах. Она жадно усваивала опыт и знания практики и агрономической науки. На виду у всех рос и укреплялся, уже на своем собственном опыте, знающий и опытный льновод.

Заглада применила такие агротехнические приемы, которых не только не знает большинство льноводов, но которые не всегда известны и многим специалистам. Узнав о новейшем достижении науки — микроудобрениях — боре и магнии, она немедля проверила почерпнутые знания в поле, на своем участке.

Не стремление установить рекорд ради рекорда руководило Загладой: она ищет новые пути, новые приемы, которые можно было бы распространить во всем колхозе, среди всех льноводов. Свой гектар она разбила на 5 участков. Каждый участок был своеобразным опытным полем, на котором испытывалось и применялось нечто новое, заимствованное из богатейшего источника творческой стахановской инициативы.

Летом 1939 года вокруг участка Заглады утоптали широкую дорогу: сюда приходили агрономы и льноводы из соседних колхозов, чтобы посмотреть лен Заглады, чтобы овладеть ее мастерством и искусством.

Рядовую колхозницу, скромную Надежду Загладу знают теперь все льноводы страны. В прошлом году она получила невиданный в мире урожай — 33 центнера льноволокна. С 1 гектара она собрала столько льна, сколько пока еще собирает большинство колхозов с 10 гектаров.

Героини колхозного труда Александра Сергеева, Надежда Заглада, Анна Юткина, Агджа Алиева своими подвигами проложили надежный и ясный путь к социалистической производительности, путь к безграничному плодородию земли и изобилию. Они утвердили на своих рекордных участках завтрашний день колхозных полей. Они завоевали будущее.

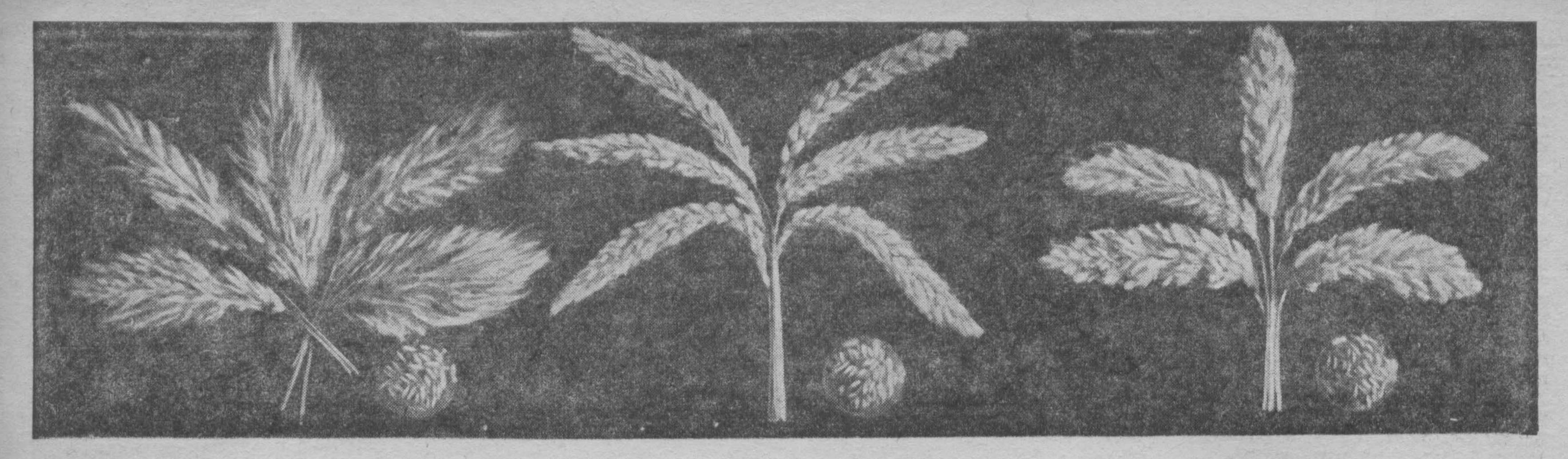

На фото в кругу слева: Александра Сергеевна Сергеева, звеньевая колхоза имени Политотдела, Андреевского района, Алтайского края.

На фото в кругу: колхозница Надежда Григорьевна Заглада. Слева: Агджа Алиева с дневным сбором хлопка.

Павильон «Зерно» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Фото В. Микоша

И. Рыбальский и И. Любович

ДАРЫ НАУКИ

Фото Е. Пиотрковского

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ЗЛАКИ

Можно объехать весь мир, изучить самые полные коллекции злаковых культур, но нигде не найти растений, подобных экспонатам профессора Супруненко. И ботаника-географа и опытного полевода эти необычайные экспонаты поставят втупик.

К какому виду, к какой культуре отнести эти густые, мохнатые кремовые или красные, серебристые или черные растения?

Некоторые колосья напоминают просо. Но это—не просо. Другие похожи на ячмень. Но это и не ячмень. Может быть, это своеобразная кукуруза? Нет, хотя на некоторых растениях зерна и расположены, как на початке кукурузы.

Все эти многоцветные просовидные, ячменеподобные, кукурузообразные растения—не что иное, как рожь, выращенная харьковским профессором А. И. Супруненко.

Четверть века работает профессор Супруненко над получением новых форм ржи. В его коллекции их насчитывается теперь около 5 тысяч. Ветвистая и многоколосая, квадратная и округлая, длинноколосая и шарообразная рожь — плод многолетних исканий новых высокоурожайных сортов ржи.

Под озимой рожью в СССР занято свыше 20 миллионов гектаров—в 2 раза больше чем под озимой пшеницей. Многообразие сортов пшеницы позволяет ее культивировать на юге и севере—в различных климатических и почвенных условиях. Зато рожь природа видоизменяла скупо и неохотно: сорта и формы этой распространеннейшей культуры немногочисленны. Но то, что не сделала природа, сделано рукой ученого.

Профессор Супруненко заставил рожь развиваться в искусственных условиях. В период цветения и опыления рожь помещали в колбу, наполненную парами этилового спирта либо бензина, скипидара, брома, хлороформа или других наркотиков и ядов. Растения, жизнь которых зарождалась не в обычных условиях, развивались не так, как их предки. Они изменяли свою форму и даже окраску, давали совершенно новое, невиданное потомство.

Профессор Супруненко вырастил рожь, будущность которой очень заманчива. В каждом колосе этой ржи насчитывается до 350 зерен. В колосе обыкновенной ржи их не более 50—60. Он вывел многостебельную рожь, из одного зерна которой вырастает до 60 стеблей.

Химический анализ новой ржи показал, что в ней много белка. Выпеченный из нее хлеб весьма питателен и вкусен.

Рожь А. И. Супруненко открывает большие возможности для селекционной работы. Из вегетационного домика ученого рожь впервые вышла в этом году на колхозные поля. Она испытывается в 50 колхозах Украины.

Новые формы озимой ржи, выведенные профессором А. И. Супруненко. На снимке слева: профессор А. И. Супруненко.

СОВЕТСКИЕ АНАНАСЫ

В 1935 году, по заданию тов. Микояна, из Франции и Америки к нам было завезено несколько молодых растений ананасов. Недалеко от Сочи, в совхозе имени Ленина, для них создали грунтовую оранжерею. На Суматре и Цейлоне ананасы выращиваются в обычных полевых условиях. У нас недостаток солнечного тепла пришлось компенсировать искусственным обогревом и светом.

Спустя два года растения выбросили цветочную стрелку и дали первые крупные сочные плоды.

В совхозе имени Ленина, на родине советских ананасов, применили новые, неизвестные прежде методы культивирования этих плодов.

Раньше считали, что ананасы могут вступить в плодоношение только на третьем году жизни. Опыты показали, что готовность растений к плодоношению зависит не столько от возраста, сколько от его развития. Теперь уже в совхозе плоды с ананасов собирают на втором и даже на первом году жизни.

В мае около плодоносящих ананасов появляются «детки». Их пе-

Садовод оранжереи павильона Грузинской ССР С. Ф. Степанов очищает крону четырехлетнего хинного дерева.

ресаживают на новое место. Возле материнского растения оставляют только одну «детку». Пользуясь корневой системой «родителей», она быстро превращается в сильное растение, готовое к раннему плодоношению.

Сочинская оранжерея, демонстрирующая на Выставке свои прекрасные плоды, превратилась за несколько лет в большую плантацию ананасов. Сотни укоренившихся «деток» оранжерея передала любителям, успешно выращивающим ананасы на советской земле.

СВЕКЛА, ДАВШАЯ ПЕРВЫЙ КИЛОГРАММ САХАРА

Демонстрационный участок свекловичных посевов на Выставке невелик. Зато богата и увлекательна история, которую он рассказывает, — история происхождения сахарной свеклы.

На делянках представлены все известные миру виды свеклы.

Вот злостный сорняк ассиро-вавилонских полей с характерным для него деревянистым корнем. Под многовековым воздействием человека он был превращен в лиственную свеклу. Было это четыре тысячи лет назад. Древние финикияне распространили лиственную свеклу по всему побережью Средиземного моря.

Неподалеку от ассиро-вавилонянина растет корнеплодная свекла, выведенная еще в VI веке до нашей эры. В IX веке это растение культивировали в Византии и даже в Киевской Руси. После крестовых походов корнеплодная свекла проникла в Западную Европу. Ее возделывали в садах и огородах рядом с лиственной свеклой для столовых целей. Так постепенно происходила естественная гибридизация обоих видов свеклы.

На участке показана и родоначальная форма современной сахарной свеклы — силезская. Это естественный гибрид лиственной и корнеплодной свеклы. О многом может поведать она. Из силезской свеклы ученый химик Ахард получил в начале XIX века первый килограмм свекловичного сахара. Открытие Ахарда было важнейшим событием того времени. Оно совпало с блокадой европейского континента в период наполеоновских войн, когда ввоз тростникового сахара в Европу из заокеанских стран резко сократился.

Ахард положил начало производству свекловичного сахара.

В силезской свекле было только от 2 до 5 процентов сахара. Ныне мы располагаем сортами свеклы, сахаристость которых достигает 18—20 и более процентов. Они показываются на посевах возле павильона «Сахарная свекла».

КУРСКИЙ РИС

Тысячи экскурсантов будут недоумевать:

Неужели этот рис выращен в Курской области?

Рис—зерновая культура юга. В Соединенных штатах Америки самый северный пункт, где выращивают рис, лежит на 36-й параллели.

Курск лежит за 51-м градусом. И на этой широте советские новаторы решили культивировать рис.

Первые опыты возделывания риса в Курской области были начаты еще десять лет назад. Экспериментаторов постигла полная неудача. Рис не вызревал: в короткое лето не завершалась вегетация, и ранние осенние холода убивали растения.

Заинтересовался и постепенно увлекся рисосеянием опытный агроном Матвеенко. Отобранные из коллекции Всесоюзного института растениеводства 22 сорта риса он высеял в колхозе имени Сталина, Стрелецкого района. Но и у него ни один из посеянных сортов риса не вызрел.

Энтузиаст-агроном не оставил свою затею. Он отобрал 5 сортов, быстрее и лучше других развившихся, и в следующую весну посеял их. В 1936 году он получил первые зрелые зерна риса.

В 1939 году уже в 6 колхозах на опытных участках собирали обильные урожаи. Колхоз «Новый мир», Старо-Оскольского района, получил более 31 центнера риса с гектара. В колхозе «Правда», Уразовского района, собрали 36 центнеров, а на некоторых делянках—до 55 центнеров.

Рис хорошо растет не только в южных районах области: в 1939 году он вызрел и значительно севернее Курска, в колхозе «Коммунар», Конышевского района, на 52-м градусе северной широты. Крайняя граница рисосеяния в капиталистических странах южнее этих рисовых полей на тысячу километров.

ХИННОЕ ДЕРЕВО ПОД СТЕКЛОМ

В оранжерее павильона Грузии, рядом с мандариновой рощей, выставлена обычная парниковая рама. Под стеклом пустая поросль зелени, внешне ничем непримечательной: не то трава, не то рассада. Кажется, что зелень попала сюда случайно, настолько отличается она от пышной, взлелеянной южным солнцем растительности Грузии.

Но вглядитесь получше в экспонаты, ознакомьтесь с материалами стенда. Перед вами под стеклом парниковой рамы плантация хинного дерева. От первой советской плантации хинного дерева в Кобулетах она отличается лишь своим размером.

История советского хинина увлекательна и полна превратностей.

В батумский ботанический сад и сухумскую селекционную станцию несколько лет назад были привезены для опытов с Явы, Эквадора, Колумбии, Боливии сотни образцов хинного дерева. Своеобразное, необычайно своевольное растение, однако, никак не желало акклиматизироваться у нас: в наших субтропиках ему было и слишком холодно и... слишком жарко. Представитель горной тропической флоры, хинное дерево боится прямых, палящих лучей солнца и не терпит низких температур. Плантации хинного дерева в Грузии и поныне приходится защищать от солнца щитами из бамбука или кукурузными стеблями.

На Яве хинное дерево начинают эксплоатировать не раньше семилетнего возраста. А у нас в первую же зиму растение гибнет. После долгих исканий в Аджарии и Абхазии стали культивировать однолетнее хинное дерево: вначале выращивается рассада, затем она высаживается на плантации, и из собранного в том же году урожая добывается хинин.

Замечателен также гибрид хинного дерева с родственной ему, но более холодостойкой пинкнеей из Южной Каролины. В недалеком будущем он должен дать для советских субтропиков многолетнее хинное дерево.

СТЕЛЮЩЕЕСЯ ЛИМОННОЕ ДЕРЕВО

Словно пауки раскинули деревья свои ветви, не гнущиеся под тяжестью крупных плодов. Разрастаясь, ветви не поднимаются вверх, к солнцу, а образуют паукообразную крону, стелющуюся по земле. Это новая форма лимонного дерева, культивируемая в Грузии.

Стелющиеся сады, созданные по мысли профессора Кизюрина, хорошо знакомы сибирякам. Плодовые деревья, стелющиеся по земле, не боятся лютых сибирских морозов: их защищает снежный покров и припочвенное тепло. В Сибири стелющимся садам принадлежит большое будущее.

Лимон—самое нежное цитрусовое растение. Выходец из южных, тропических стран, лимон акклиматизировался у нас в относительно северной для него зоне. На зиму деревья приходится одевать в теплую одежду, сооружать для многих шалашеобразные укрытия. Лимоноводство в стелющейся форме позволит продвинуть эту ценную культуру на крайнюю северную границу советских субтропиков и в новые горные районы.

Такую задачу поставили себе работники Всесоюзного субтропического института, начав несколько лет назад эксперименты над лимонным деревом. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что лимоны на стелющихся деревьях оказались значительно крупнее обычных и раньше созревали! Плоды отличались также более высокой кислотностью и повышенной витаминозностью.

Тщательные наблюдения раскрыли причины этого необъяснимого вначале явления. Почва, затененная листвой дерева, нагревается летом меньше окружающей атмосферы на 4—5 градусов и таким образом сохраняет влагу. Стелющимся лимонам нестрашны ни летние суховеи, ни зимние холодные ветры.

В Колхиде, где летом свирепствуют ветры, лимоны часто сбиваются с дерева. На стелющихся деревьях все плоды остаются невредимыми. Только 14 лимонов вызрели на обыкновенном дереве, а на стелющихся деревьях такого же возраста, взятых под наблюдение, созрели 312 крупных плодов.

Культура лимона в стелющейся форме быстро распространяется в колхозах Грузии.

В хозяйстве передового колхоза «Смена», Марийской АССР, награжденного орденом Трудового красного знамени, большое значение имеет пасека.

Осенью, при распределении доходов на трудодни, на столах колхозников появляется свежий сотовый мед.

← Пчеловоды колхоза «Смена» Е. П. Маркова (справа) и К. А. Батыгина.

По всей Чувашии славится мед колхоза «Комбинат», Шумерлинского района. Весной липовые леса, где расположены четыре пасеки колхоза, наполняются жужжаньем пчел, собирающих с цветов свою дань. На пасеке колхоза больше 360 пчелосемей. В прошлом году колхозники получили по 5—10 пудов меда на семью.

Десять лет работает пчеловод Иван Григорьевич Ванюков. Всего десять ульев было на пасеке, когда он пришел сюда. Немало труда положил он на пчел. Сейчас каждая пчелосемья дает в среднем от 85 до 100 килограммов душистого липового меда.

Заведующий пасекой № 3 пчеловод Ф. Ф. Шугаев сливает мед в бочки для отправки в колхоз. ↑

Иван Григорьевич Ванюков проводит опыты вывода пчеломаток по способу Цандера. →

На пасеке юные натуралисты, дети колхозников «Комбината», — частые гости. Иван Григорьевич угощает их свежим медом. ↓

Ванда Василевская

Смерть Ивана

Иван Пискор пробирался на восток.

С того дня в лесу, когда он столкнулся, наконец, лицом к лицу с полицейским Людзиком, Иван знал, что для него нет спасения. Теперь это был уже не Людзик с его упорным ожесточением, теперь уже смыкались вокруг него клещи всемогущего закона, уже подписан приговор, невозвратимый и неизбежный. Не могло быть сомнения, чей топор выписал кровавые иероглифы на снегу. Их легко можно было прочитать, и Иван не льстил себя надеждой, что у кого бы то ни было могут оставаться насчет этого какие-либо сомнения. Теперь путь был уже закрыт, мосты сожжены. Уже известно было его лицо и подробное описание примет дошло во все домики, где синели мундиры и находились полицейские посты, во все волостные правления и почтовые отделения местечек. Теперь уже за ним шли не только ступни Людзика, а сотни ступней. Теперь уже его подстерегали не одни глаза, а сотни глаз. Теперь уже его преследовал не один человек, а закон, неумолимый, непреклонный, суровый закон, для которого у человека не было ни лица, ни мучительных дней, ни беспросветных ночей, а человек был лишь номером в ряду других.

С запада на восток, с севера на юг не было для него спасения. Одежда висела на нем клочьями, голод иссушил члены, не заживала гноящаяся, больная нога, отягощавшая, как бревно, привязанное к телу. Пока еще лежал высокий снег, можно было укрыться на забытом богом и людьми хуторе, в полном уединении, куда никто не заглядывал. Но теперь полые воды открыли доступ в самые глухие закоулки, всюду можно было наткнуться на человека и Иван понял, что здесь ему не сдобровать. Как последнее спасение, как единственный выход из сомкнувшегося круга всплыла в мыслях граница. Граница со страной, о которой рассказывал когда-то Петр Иванчук, до того, как посадили его в тюрьму: со счастливой страной, где мужик был человеком, а не загнанным зверем.

И Иван стал пробираться на восток по ночам, крадучись, осторожно, заглушая стон, когда случалось разбередить больную ногу. Он пересыпал ночи на болотах, дрожал от лихорадки, метался в жару. Все дальше, все дальше оставалась за ним родная деревня. И он не понимал, как это могло случиться, что ему надо уходить из Ольшин — от реки, от озера, от всего того, к чему он возвращался — сколько лет назад? — из германского плена, из-за большого города Берлина, куда его угнали на работу.

По ночам, лежа в зарослях ивняка, он не мог уснуть и смотрел в усеянное звездами небо.

— Оторвался я от всего... Как же быть теперь? — спрашивал он сам себя.

И то, что он уходит из родных мест, что с каждым шагом отдаляется от своей земли и своей воды, казалось ему злой морокой, не существующим на самом деле наваждением, тяжелым кошмаром, который наваливается на человека и мучит, душит, истязает смертельно. Думалось, что стоит только уснуть — и утро развеет дурной сон: опять он услышит, как плещется озеро о каменистый берег, опять погрузится наставка в прозрачную, поросшую травами воду, запахнет мятой и камышом в протоках, где закладывают вятера, и он пойдет косить на Отрубке высокую душистую траву...

Но здесь мысль останавливалась, обрывалась легковейная мечта. Оттуда, с луга на Отрубке, пришло несчастье, там оно зародилось, оттуда разрослось в пожирающий кошмар. Сколько раз в Германии снился ему луг на Отрубке, самый богатый из всех лугов... Сколько раз чудилось ему, будто забирает он широким взмахом косы ровный, сверкающий от росы, усеянный пестрыми цветами покос... И что же вышло? Для чего нужны были все труды и усилия, если осадник будет косить теперь на Отрубке, если для него будет родить буйный луг сочную траву и его коровы будут давать от нее густые, обильные удои, а он, Иван, не увидит не только луга на Отрубке, но и ту скудную траву, что растет на болоте за рекой?

Нет, он не мог понять этого, не мог охватить умом. Сколько труда он положил, когда заваливал зияющие раны земли, оставленные войной, чтобы можно было опять засеять ее и собрать хоть скудный урожай... Сколько дней калечил руки, убирая с полей и из воды ощетинившуюся колючками проволоку, чтобы не поранила она скотину, теперь скотину осадника...

Все это не вмещалось в его голове, затуманенной жаром. Как слепой, как глухой, как завороженный неотступной мыслью, он знал только одно: бежать, бежать! Скорее, скорее передвигать больную ногу, пересиливать в себе немочь, бросавшую попеременно то в жар, то в озноб, чтобы можно было безбоязненно свалиться где попало, не прислушиваясь, не раздаются ли поблизости отголоски чьих-нибудь шагов...

В этой спешке он тащился неправдоподобно медленно, но постепенно подвигался вперед, все дальше от Ольшин. Его отделяли от них все новые болота, новые воды, новые леса и рощи. Далеко, далеко было уже до Ольшин. Отсюда в Ольшины не было уже возврата...

Изредка, когда он чувствовал, что ослабевает от голода, а желудок не принимал больше щавеля и тростника, он отваживался заходить к людям. Выбирал крестьянские дворы на отшибе, уединенные хаты, где ничто ему не угрожало. Ему подавали ломоть хлеба, кусок лепешки, вареную рыбу. Кое-где предлагали даже ночлег, но он боялся ночевать под кровом: опасался, что его выдадут. Люди ни о чем не расспрашивали, и он мог идти дальше. Быть может, их пугало заросшее, дикое его лицо, быть может, останавливала жалость, а может быть, они догадывались, зачем он идет в ту сторону, потому что было совершенно ясно, куда он направляется.

Он добрался, наконец, на рубеж своей земли, в лесные дебри, в непроходимые пустоши — в страну болот, ольховых рощ, густых дубрав. Здесь посчастливилось ему найти проводника.

Глухо шумели деревья. Наконец, тропинка вывела в поднебесную ясность, в беспредельный простор, на болота без конца и границ. Иван огляделся. Лесная чаща стояла сомкнутой преградой, высокой стеной, крепкой границей на краю болот и засасывающих трясин. Здесь начинался иной мир. Широко, далеко простирались неизмеримые равнины, поросшие седым мхом, осокой, листочками клюквы. Лишь кое-где кудрявилась низкорослая березка, трепетали гибкие ее веточки, и белый стволик робко тянулся кверху. От трясин шло влажное дыхание и крепкий, острый запах торфяных залежей, мокнувших в ржавых лужах. На них играли радужные жирные пятна, на разогретой солнцем воде недвижимо стояли пурпуровые, голубые, зеленые, фиолетовые причудливые цветы болот.

— Сюда... — буркнул проводник, и Иван ступил на узкую дорожку из древесных стволов, перекинутых поперек пустоши, на непрочный и шаткий мостик над пропастью без дна, скрытой под обманчивой зеленью, под пеленой мелких растеньиц, черпающих из болота силы для слабой надземной своей жизни. С обеих сторон и впереди него лежало болото, необъятное, словно вымершее пространство. Не качались на ветках карликовых берез птицы, лишь в высоте парил в безоблачном небе лесной разбойник — висел в воздухе на громадных темных крыльях ястреб.

Палка провалилась в болото. Иван пошатнулся и с трудом вытащил ее. Предательски захлюпала рыжая маслянистая вода, заколыхалась зеленая поверхность, мягко, коварно ушла вниз. Проводник беспокойно обернулся, но Иван уже отыскал равновесие. Он шел осторожно, ровно ставя ноги на тупые прогнившие балки, поросшие мхом, рассыпавшиеся прахом, мелкими щепами, гнездами потемневшей от сырости ржавчины.

Далеко на горизонте стоял над болотом седой туман, низко, у самой земли, стлалась синяя мгла, уплывая вдаль, как бы на край света. На мгновенье закружилась голова — ровно обозначалась дорожка, проложенная неведомо кем и неведомо когда из стволов; но все вокруг было, как безбрежная вода, как озеро в спокойный день, и подобно озеру было неизмеримо в пугающей глубине. Казалось, стоит только подняться ветру — и заколышется зеленая гладь, пойдут по ней мелкие, все шире расходящиеся волны, взбаламутится, запенится беспредельная равнина, зарокочет пустошь, как полноводная река, когда ударит по ней внезапная буря.

Солнце жгло, и болото пахло все сильнее. Ястреб висел неподвижно, как знамение на небе. Все чаще попадали ноги на предательскую размягченность трухлявого дерева, то здесь, то там надо было перепрыгивать с одного ствола на другой, а между ними зияла бездна, лежал зеленый коврик из мхов и листочков, приманивающий и засасывающий.

Томила жажда, но когда Иван нагнулся, чтобы зачерпнуть воды из долочка, раскрытого в жестком мхе, рука попала в маслянистую и почти горячую жидкость, зашевелилась радужная поверхность, выглянул темный глаз пропасти, доходившей, должно быть, до середины земли. По пальцам текли желтые и красноватые струи, нагретые солнцем. Нет, то не была вода, годная для питья, то не была обыкновенная вода из обыкновенного болота...

Негде было присесть, негде было остановиться, и Иван напрягал все силы, чтобы поспевать за проводником. Тот шагал впереди легко и без усилия, как бы порхая. Сильно разношенные постолы едва касались поваленных бревен, как бы скользили поверх них, палка в руке ни разу не оперлась о болото.

Далеко за полдень седая мгла сгустилась более темной пеленой, и усталым глазам улыбнулась зеленая чаща, плотная стена леса, врезывающегося клином в болотистую равнину. Иван прибавил шагу.

Буйно росла здесь трава, сухая и твердая, листочки клюквы были крупнее, и постепенно исчезали глазки луж, затянутые радужной пленкой. Почва поднялась выше, опять зазеленели

темным цветом высокие кусты на болоте, и резко, бодрящее повеяло горьким ольховым ароматом, зашелестело тенью больших деревьев.

Проводник пошел медленнее.

— Теперь иди прямиком до самой реки. Перейдешь реку — и готово. Подожди до вечера: вечером идти вольготней. На той стороне воды граница, там мало кто ходит. Здесь сбоку болото, по нем не пройдут. Иди, значит, прямиком помаленьку...— Он внимательно вгляделся в Ивана.— Будь здоров, товарищ...

Иван не ответил. Присел под деревом и смотрел, как тот идет обратно. Ровным, легким шагом шел проводник по мостику из стволов, подвигался вперед, становился все меньше, расплывался вдали и, наконец, исчез совсем в зелено-серой беспредельности, в громадной пустыне, в море болот.

Там, на другой стороне, обозначалась серая полоса, словно туча, низко протянувшаяся над землею: лес у пройденной на рассвете реки. Здесь тоже шумел лес над головою, шуршал, вздыхал, шелестел тысячью голосов. Громко кричала сойка и прыгали в зарослях маленькие птички, щебетливые и проворные. Пахло прелыми листьями, гнившими из поколения в поколение толстым слоем на земле, не тронутыми человеческой рукой, и кто знает, ступала ли когда-либо по ним человеческая нога.

Жажда не проходила. Иван сорвал веточку богульника и растер ее между пальцев. Разнесся сильный, бодрящий аромат, но не утолил жажды. В довершение зла появились большие серые мухи, надоедливо жужжали, летая перед глазами, хищно взвизгивали, и, наконец, одной из них удалось ужалить Ивана в щеку. Иван выругался и встал. Пошел медленно, осторожно, как наказывал проводник,— прямо перед собой. Путался гущей ветвей лес, вырастала чащоба кустов, заплетенная стеблями хмеля, обвитая нежной пряжей белой повилики. Хватали за одежду ползучие отростки ежевики, цластавшиеся низко у земли, ноги с трудом передвигались в непроходимых зарослях всяких трав. Но вдали уже слышалось знакомое журчание, рокот воды, таинственная песня текущих волн. В кустах крушины, бересклета, калины пробивал себе выход высокий прямой тростник, разрастался, надвигался все более густой чащей, шелестел сухим стеклянным звоном. С криком взметнулась утка и запала где-то далеко. Зеленым куполом ветвей было закрыто небо, всюду таился влажный зеленый сумрак. Иван остановился, прислушиваясь. Но птицы щебетали беззаботно, доносился равномерный шелест тростника, и тихо журчала вода где-то совсем близко. Иван осторожно двинулся вперед. Под ногами захлюпало, между тростниками открылся небольшой заливчик, свежая проточная вода, слегка плескавшаяся о берег. Он лег на живот и погрузил взмокшее от пота лицо в мягкие волны. Вода была красна и прозрачна. На красном песке проворно извивались мелкие черные твари, но вода была чистая и холодная. Иван пил захлебываясь, закрывая глаза, глотая полным горлом, и болезненная судорога сжимала пищевод. Вода лилась по шее, стекала тоненькой струйкой за рубаху, мочила волосы, упавшие на поверхность протока. Досыта, до полного утоления лакал Иван воду, упиваясь диким восторгом, несказанным облегчением, звериной радостью.

Наконец, поднял голову и принялся разглядывать то, что мог усмотреть в прореху зелени.

Узкой полосой текла река. Соседний берег тянулся тут же, казалось, можно было достать до него рукою. И на нем рос тростник — высокий, качающийся, позванивающий лес. В тростнике мышковали утки, Иван отчетливо видел маленькие их головки, быстро нырявшие и выплывавшие на шаг дальше, коричневатые перья и круглые глазки, нацеливавшиеся зорким взглядом в воду. Беззаботно, уверенно, безбоязненно охотились утки, и вдруг ветка. В кустах отозвался шорох, внезапное посапывание. Оживала вечерней предночной порой лесная чаща, играла тысячью голосов, дышала тысячью дыханий, звучала отголоском тысячи невидимых шагов. Иван приподнялся и сел, вглядываясь в темноту. Но ничего не было видно. Жил лес, и жила вода, что-то плескалось, ожесточенно хлюпало у самого берега, какое-то маленькое создание с тихим всплеском скользнуло с берега в волны, и захлопала крыльями в ветвях проснувшаяся птица, ослепленная мраком. Где-то далеко заухала сова скорбным, душераздирающим криком, и тоскующий, пронзительный голос расходился широкими кругами, захватывал небо и землю, шел по лесу стонущей, монотонной, певучей жалобой. Птица летела на

Депутат Верховного Совета СССР Ванда Василевская.

Фото Л. Смирнова

Иван вздохнул свободнее. В это мгновенье все казалось ему простым и легким. Близко, близко, в нескольких шагах, была цель длительного пути. Им овладело искушение не ждать ночи. Кто может здесь быть, кто может подстерегать кого-нибудь в этой пустыне, поросшей зеленью, огражденной непролазной стеной тростника, охраняемой дремучим лесом с одной и с другой стороны, оцепленной трясиной без края и границ? Но он удержался от соблазна. Пусть уж будет так, как говорил проводник. Иван отступил от воды. Вынул из-за пазухи ломоть хлеба и откусывал не спеша, старательно пережевывал, чтобы хватило надольше.

Вода темнела. Постепенно наступал вечер, и Иван задремал, убаюканный дружественным шелестом воды и деревьев.

Но вскоре разбудил его холод, веявший от реки и от земли. Было уже почти темно; вода поблескивала, как олово, от света невидимых в чаще звезд. По лесу шел легкий ветер, едва уловимое дуновение, таинственный шопот, кидавший в дрожь. Шелестели, шуршали, поспешно передавали друг другу им одним ведомые секреты высокие тростники. Затрещала, заскрипела пуховых крыльях над лесом и выкрикивала свою еженощную песню, но терялись направление и источник звука. Казалось, стонал, вздыхал, рыдал лес, стонала, рыдала, вздыхала вода, стонала, рыдала, вздыхала земля в ночной тьме. Казался неестественным, будил страх, вызывал глубокий ужас голос совы, и Иван впервые испугался границы. Тихонько, бесшелестно раздвинув тростник, он вышел на берег. Матово светилась вода — блеском олова и черноты застывшей смолы. Он пощупал ногою: было мелко. Подогнул высоко штанины и, стискивая зубы, дрожко застучавшие от внезапного страха, ступил в воду.

Его охватил холод. Быстро неслись волны, обвиваясь вокруг голых икр, как живые твари, как скользкий, гибкий уж. Вдруг песок ушел из-под ноги, нога с плеском провалилась глубже. Он остановился, как вкопанный, с сильно бьющимся сердцем.

Но нигде не отзывалось ничто, что могло бы пробудить тревогу. Попрежнему рыдала сова, наполняя своей безнадежной жалобой мир от земли до неба, попрежнему спокойно шелестел тростник. Иван пошел вперед, нащупывая ногою удобные места. Теперь он брел уже по пояс в воде, и, наконец, дно стало медленно подниматься, зачернел тростник соседнего берега. Иван ухватился за него руками: он был уже на другой стороне. Здесь где-то близко проходила граница.

Вдруг в песнь ночи ворвался новый звук — и все замерло. Со скрипом, со стоном валилось в темноте дерево — Иван слышал треск ствола, колыхание опускающихся в гущу ветвей и, наконец, раскатистый гул падающего великана. Он не мог определить, в каком это было месте. Стоял неподвижно, оледенев от страха.

Но опять наступила тишина, и лесная чаща опять запела свою песню. Зашаркало, зашуршало над водою, скрипнула ветка, опять захлопала крыльями разбуженная птица. Бежала где-то по ветке дуба ласка или легкими танцующими шагами разбойника прокрадывалась к гнезду куница.

Иван пытался наметить для себя во тьме и гуще леса соответствующее направление. Прямо — но здесь нельзя определить, где было прямо. Река изгибалась петлею, и, сделав несколько шагов вперед, Иван совершенно растерялся. Затаив дыхание, он долго стоял, прежде чем решился идти дальше. По лицу хлестал тростник, ноги путались в цепкой гуще бесчисленных растений. Он поискал ногами тропинку — под ногою заскользила жидкая грязь. Иван наклонился и нащупал пальцами глубокие следы копыт: сюда, видимо, ходили животные на водопой. Он пошел по дорожке, утоптанной ногами диких кабанов и лосей, по узкому и тесному тоннелю, проложенному в сколтунившейся чаще.

Почва поднималась и спустя некоторое время опять постепенно опускалась. Затрещала ветка — Иван невольно остановился.

И в ту же минуту неподалеку слева грохнул выстрел. Ворвался в ночь, как удар молнии. Эхо разносилось стократно, широким кругом, гудело среди деревьев, то вздымалось, то затихало и, наконец, рассыпалось по лесу угасающими раскатами.

Иван опустился на землю. В одно мгновенье пот выступил на лбу. Он замер без движения, съежившись на дорожке пущи, чувствуя под пальцами застывший, как бы отлитый из олова след звериной ступни.

Зашевелились, захлопали крыльями птицы. Над самой головой пронзительно взвизгнул птичий крик, и в темноте в гуще ветвей беспомощно затрепыхались перья. В тростнике загудели шаги, и мужик отпрянул в сторону. Мимо него грузной рысью пронеслось какое-то существо: почуяв человека, с тревожным похрапыванием ринулся в чащу громадный дикий кабан. Шелестели, бежали, топотали во тьме сто ног, в переполохе, в поспешности обращаясь в бегство. Прокатился второй выстрел, и вслед за ним послышался пронзительный дикий крик где-то совсем уже близко. Иван вскочил на ноги. Теперь он не обращал внимания ни на что. Бежал сломя голову, ветви трещали под ногами, хлестали по лицу, лезли в глаза, невидимые колючки хватали за одежду, как хищные, дерзновенные лапы. Он мчался вперед, как одержимый, а за ним взрывались выстрелы и разносился по лесу нечеловеческий, пронзительный, стонущий вой.

Кусты поредели. Расступилась сомкнутая стена деревьев. Вширь

и вдаль простиралась равнина, голубеющая в свете восходящей луны. По ней разбросались черные короткие тени, влачился седой туман, раздерганный ветром. Равнина спала ночным сном, как безбрежное море.

А в лесной чаще продолжался дикий гомон и неслись тревожные вопли, прерываемые раскатами выстрелов. Смешанные голоса, и крик, и зовы переполнили темные недра леса, скрытые от глаз преградой деревьев.

Иван огляделся. Лес образовал здесь как бы островок: вправо и влево тянулась нагая пустынная равнина. Иван чувствовал, что на высеребренном луною открытом пространстве он виден издалека, что оттуда, из тени деревьев, могут смотреть и выслеживать его неизвестные глаза, неизвестное дуло может взять его на прицел. Но равнина стлалась безмятежной далью, а в лесу гремела выстрелами, выла криком смерть. Выбора не было.

Он пошел вперед, втянув голову в плечи, внимательно прислушиваясь. Почувствовал под ногами траву и мох, пружинившую эластичную почву. Шел быстро. Вдруг земля заколыхалась под ногами, и он заметил карликовые березки и лоснящиеся листочки клюквы. Его охватил липкий, тошнотный ужас, но он продолжал идти вперед. Болото колыхалось все ощутительнее, совсем близко захлюпала вода, и в отверстии болотного колодца, в зияющей глуби озерца отразилась мертвая синяя луна. Он ступил еще шаг — и нога увязла. Поспешно выдернул ее и попытался отступить. Но уже не находил дороги, по которой шел. Со всех сторон посапывало раскрывшееся болото, слышалось предательское хлюпание. Он стоял не шелохнувшись, но хлюпанье не прекращалось, и ровная поверхность гнулась все заметнее. Брызнули маленькие фонтаны, жидкое и зловонное болото плеснуло в лицо. Он рванулся с места, хотел перепрыгнуть на кочку, поросшую осокою, — и увяз по колена.

Сжал кулаки, чувствуя, как облепляет его, засасывает, хватает всесильными пальцами, тянет вниз бездонная трясина, неизмеримая топь, извечная болотистая пропасть. У него не было уже сил шевельнуть больной ногой. С каждым мгновением он проваливался все глубже, погибель становилась все неотвратимее. Он вытянул руки в обе стороны: это могло на некоторое время приостановить процесс погружения. Но тотчас же почувствовал прикосновение болота к ладоням. Теперь он вплотную смотрел на седеющую в лунном свете поверхность болота. Перед глазами вставали маленькие листочки, жесткие стебельки кислой травы. В лужах воды, в зияющих расщелинах отражалась призрачная луна, и капельки росы стеклянными шариками дрожали на мелких растениях.

Иван не чувствовал страха. Его охватило тупое изнеможение, усталость последних недель навалилась с непреоборимой силой. Тело отдыхало в мокрых недрах трясины. Холодный обруч сдавливал сердце, трудно было передохнуть. Необъятная равнина и лунный свет, едкий запах торфяных залежей магнетизировали и одурманивали. Широко раскрытыми глазами Иван смотрел перед собой. Тут же, почти у самых глаз, лунный свет, холодный и седой, ложился на неохватное, необозримое пространство. Болото разливалось по неизмеримой дали, тонуло в мглистой тьме, которую уже не в силах были осветить леденистые лучи странствовавшего по небу месяца. Тяжесть и холод — это было все, что он чувствовал, и еще угар, осевший на мозг как бы после сильного запоя. Он вспомнил Сивую, которую жена, наверное, продала после его ухода. Вспомнил, как он покупал эту Сивую: пригожая была лошадь и шла, как в танце, когда он ехал на ней к водопою. Он старался представить себе, что делает теперь Сивая, где находится, в чьих руках. И устыдился, что думает не о жене, не о детях, а о лошади — в такую минуту. Но мысль упорно возвращалась к пустякам, к незначительным, неважным мелочам. Плетень возле дома обвалился после первого снега — сумеет ли Марфа починить его? Сеть порвалась... И пусть, все равно некому выезжать на ловлю....

Зажурчала вода. Иван попытался шевельнуть рукой, но руки крепко застряли в цепком болоте, в густой смоле топи, простертой на север и на юг. Он всмотрелся в даль, в ночную тьму, и увидел, что небо постепенно бледнеет на востоке. Звезды расплывались в лунном свете, и лысый месяц плыл по небу широкой, ровной дорогой, но далеко на горизонте брезжила уже полоска рассвета. Иван мысленно спросил себя, увидит ли он еще восход солнца. И опять нахлынули мысли о Сивой, о доме, о деревне, спокойные и как будто сонные.

Светлело небо, и луна тускнела. Мертвой пустыней вставала в мутном рассвете болотистая равнина. С болота, снизу, Иван смотрел на карликовые березки с тонкими стволиками. Они серели в холодном воздухе, и на них оседала, цеплялась за ветки предутренняя мгла, опадавшая вниз, лениво плывшая по болоту в безветренную погоду. Теперь можно было разглядеть росу, густо осыпавшую болотную растительность, прикрывшую болото серебристой пеленой. Вздрагивали, трепетали капельки росы, низко клонилась осока, не в силах удержать росную тяжесть. На листочках клюквы собрались маленькие глазки-озерца, как бы в зеленых чашечках.

Далеко, далеко разлеглась равнина, и чем яснее светлел день, тем больше ширилась она, необъятная для взгляда, порождавшая тоску. Во все стороны простиралось болото, недоступное для человеческих ног, без края и границ. А между тем за ним проходила граница. И где-то здесь, за болотом, была неизвестная страна, о которой рассказывал когда-то Петро Иванчук, в которой мужик был человеком, а не преследуемым зверем...

Но болото не давало идти, не пускало, держало крепко, неотступно, неумолимо.

Иван сомкнул усталые веки. Вода была тут же, он чувствовал первые прикосновения влаги на подбородке. Его сморила дрема, сон на яву, причудливая греза, пугающая неестественным обликом. Мерещились, перепутывались меж собою далекие и близкие дни, все переместилось во времени и пространстве. Перед ним проходили человеческие лица и оставляли его равнодушным, не дрогнуло сердце, сдавленное непереносимой тяжестью. Он с трудом ловил губами воздух, дыша неглубоко, со свистом. Забыл в этой горячечной дреме, где он и что с ним происходит. Плыли мгновения, уплывала жизнь, и он не знал, чья это в сущности жизнь: чужая, какого-то незнакомого мужика, или его, Ивана? Что это была за жизнь? Как шла, каким путем?

Вдруг он ощутил холодный обруч на горле. Содрогнулся и открыл глаза. С трудом поднимались тяжелые, набрякшие веки. Болото было возле лица, касалось его липкими щупальцами, хватало за горло, смыкалось ледяным кольцом.

Посветлела равнина, заяснели зеленью березки, и роса засверкала живым серебром. Розовый блеск разливался по небу, луна скрылась. Розовый блеск лучился на воде, окрашивал радужные пятна теплым колоритом.

И вдруг Иван затрясся. В памяти всплыло сухощавое, загорелое лицо полицейского Людзика. Растопыренные пальцы на снегу — пальцы, загребавшие снег в предсмертной судороге. Рана на голове — ужасающий лязг топора, вонзающегося в кости. Все предстало в четких очертаниях и определенных формах. Лицо Марфы, и дом возле дороги, и тот день, и все, что относилось к лугу, и круглое лицо осадника, и отчетливее всего по сей день не смолкавший в ушах лязг топора. Иван пришел в себя. Как бы впервые увидел безмерную равнину, беспредельный болотистый простор и ясно почувствовал гнилостный запах торфа. Рванулся. С диким ужасом понял, наконец, что тонет.

Рванулся еще раз. Но тело было сковано неподвижностью. Несказанное отчаяние сдавило горло. Там, в гуще деревьев, были люди, по всей вероятности, там были еще люди. Безразлично, какие, безразлично, кто. В эту минуту они были только люди. Он собрал все силы и крикнул.

Протяжный стон, звериный вой понесся по трясине и замер, задавленный вязким липким болотом. Иван захрипел. Он задыхался.

Безбрежная равнина, необъятная гладь торфяных залежей стлалась в розовом сиянии. Низко, косо шли первые лучи солнца, просвечивая мглу нежным золотом. Засветились, огнисто зацвели верхушки карликовых берез, и роса заиграла блеском бриллиантов, преломляясь в круглых капельках радужными переливами.

Перевод Е. ГОНЗАГО

М. Талалаевский

ПЯТЕРО СЫНОВ

Полыхай знаменами,
Радость звонких слов,
Эх, у славной матери
Было пять сынов.

Все они как ясени
Стройно поднялись.
Не сыны, а соколы:
В батьку удались.

Старший сын — петлюровцев
Богатырски бил,
А второй сын — Врангеля
В морюшко свалил.

Третий сын — Зеленова
Из Триполья гнал,
А четвертый — щорсовец —
Киев защищал.

Пятый — самый младший сын —
Гордость и краса:
С именем он Сталина
Отстоял Хасан.

Все сыночки-соколы
В батьку удались,
Бить любого ворога
Честно поклялись.

И в стране миллионы их,
Вот таких орлов,
Как у славной матери —
Пятеро сынов.

Перевел с украинского
БОРИС БЕНДИК

(Новеллы о Выставке)

На Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, в павильон Северного Кавказа, пришли горцы. Старик-дагестанец обратился к своим землякам со страстными словами. Руки его были вытянуты вперед, бурка сползла с плеч. Горец пел песню, радостную, торжественную.

Это был Цадасса, ашуг Дагестана.

Впервые пламенная песня вырвалась из сердца ашуга много лет назад. То был сказ о злой и коварной собаке.

Сосед Цадасса, кулак-мироед, спускал свою собаку на голодных и нищих. Собака соседа и собака-сосед наводнили аул ужасом и страхом. О собаке, вернее, о ее хозяине, пел Цадасса свою первую, полную ненависти и гнева песню. И за эту песню он поплатился судом. Но поэт не умолкал. Песни рождали жизнь...

Вдохновенно звучала его песня, в соколином полете неслись слова, рожденные радостью и любовью. Новеллы о Выставке — не вымысел: это штрихи того, что воспевал Цадасса.

„СЕВЕРНЫЙ БУЖБОН"

В этот весенний день на одинокой маленькой яблоне впервые появились почки, предвещавшие плодоношение.

Иван Владимирович Мичурин весело щурил глаза:

— Вот он, наконец, «бужбон».

Многие годы исканий ушли на то, чтобы выращивать и воспитывать поколения предков «бужбона». Лучшие французские яблоки сроднились с великолепными крымскими и местными сортами, чтобы нежным и ароматным «регелям» и «кессельрингам» придать стойкость северных плодов.

Иван Владимирович был в этот день словоохотлив: он говорил о будущих яблоках — крупных и сочных «бужбонах».

Случилось так, что на другой день полая вода подмыла слабые еще корни, потоки воды свалили дерево, а ударившие поутру заморозки совсем погубили яблоню.

Пропала жизнь, выпестованная двадцатилетним трудом. Сорт был навсегда утерян.

Прошло тридцать два года.

На Выставку, в Московский павильон, привезли фрукты из колхозного сада. Известный плодовод заинтересовался яблоками. Он рассматривал крупные, палевые, с легким румянцем плоды и изумлялся:

— Это «северный бужбон»? Но ведь он у Мичурина погиб.

Колхозный садовод улыбнулся:

— Да, это «бужбон». В осень 1906 года отец мой как-то поехал к Мичурину и получил у него черенки для сада. Вывез он и один черенок «бужбона».

Прошло много лет — четверть века. Вдруг приезжает к нам нарочный. Оказывается, Мичурин вспомнил о подаренном двадцать пять лет назад черенке.

У нас, надо сказать, в колхозном саду «бужбоны» разрослись на славу. И прозвали мы их «северным бужбоном».

Порешили мы послать Ивану Владимировичу подарочек. Упаковали саженцы и яблоки и повезли их в Козлов.

Встретил нас Иван Владимирович и, увидев «бужбоны», обрадовался: «Это они. Уж не думал увидеть вас, не думал...»

Многие, заинтересовавшись рассказом, окружили садовода.

— Позвольте узнать вашу фамилию, — спросил кто-то.

— Корневым меня зовут, Петром Григорьевичем.

Один из слушателей пожал ему руку:

— Читал о вас у Мичурина. Спасибо за «бужбоны».

— Что вы? — удивился Корнев. — За что же благодарить: Мичурин назвал сорт выставочным, вот я и привез яблоки на Выставку.

БУЯН

В стойле выставочной конюшни стоял золотистый дончак с бурой гривой и белой звездочкой на лбу. Командарм протянул к коню руку. Лошадь оскалила зубы и вцепилась в рукав гимнастерки.

— Буян! Буян! — радостно закричал командарм. — Но ведь этого быть не может, — спохватился он и строго посмотрел на коня.

Дончак вздрогнул, отпустил рукав, по-лебединому вытянул шею и медленно отодвинулся к стене.

Командарм растерялся. И это повадка Буяна.

На этом коне он провел всю гражданскую войну, Буян нес его в атаку на Чонгар и Сиваш. С ним он прошел от Дона к Висле. Но Буяна нет уже в живых. Волнение все больше охватывало командарма. Перед ним все же стоял Буян. Вдруг он отчетливо услышал давнишнюю, дорогую ему кличку «Буян».

Экскурсовод рассказывал: в стойле сын Буяна — Боливар. Он показывал внуков Буяна, выдающихся рысаков — Бостона, Бойца, Бантажа.

— Великолепная, чистокровная донская линия! Вы, вероятно, слышали о Буяне?

Широкие усы скрыли улыбку командарма.

— О, конечно, слышал, — машинально произнес он и обернулся.

Перед ним стоял его старый коневод, воспитатель Буяна, не оставлявший своего командира во все годы гражданской войны.

— Заиченко! — воскликнул командарм. — Александр Маркович!

— Узнали? — спросил Заиченко и показал на золотистую лошадь. — Сынок нашего Буяна. Хорош чертенок! Первую степень получил, чемпион Выставки.

— Но ты, ты-то как сюда попал? — перебил его командарм и крепко обнял коневода.

— А как же, — заговорил Заиченко, — конями в колхозе ведаю, буяново потомство ращу.

БОЛЕЗНЬ АНТЫ

В Шамраевский совхоз на Киевщине пришла тревожная весть. Посланная на Выставку корова Анта приболела. На ферме заволновались. Как же Паша? Она ведь дала слово надоить одиннадцать тысяч литров молока. А слово Паши Федоряк всей стране известно. Не зря у нее два ордена.

Шамраевцы написали в Москву большое письмо.

Паша Федоряк прочитала письмо, погладила Анту и расплакалась.

Не дождавшись ответа подруги Паши — доярки, — зоотехник, муж Паши с двухлетним сыном поехали в Москву.

С дороги шамраевцы привалили прямо в коровник и, увидев Пашу с Антой, растерялись.

Федоряк стояла радостная, по-праздничному одетая, а шея Анты была обвязана голубой лентой.

— Вот хорошо, что приехали, — обрадовалась Федоряк.

— А как же, — заметили шамраевцы, — узнали и приехали.

— Когда же вы успели узнать? — удивилась Паша.

— Слух дошел: Анта-то заболела.

— А я думала, про другое узнали, — весело, чуть слукавив, сказала Федоряк. — Болезнь-то давно прошла. У нас с Антой праздник. Сегодня я надоила одиннадцатитысячный литр.

НАХОДКА

Яков Иванович Ильин спешил. За ним еле поспевал двенадцатилетний Коля.

С утра они пришли в павильон Сибири и спросили о чем-то дежурного. Их подвели к одному из стендов и объяснили:

— Фотографии будут сами меняться. Если захотите разглядеть получше, нажмите красную кнопку — остановится.

Всплыли зеленые луга с тучным скотом. Ильин внимательно рассматривал снимок.

Показались новые двухэтажные дома, и он снова нажал кнопку.

Ильин подолгу присматривался к каждой фотографии. Они показывали колхозные богатства, большой, увесистый трудодень.

Когда в рамке появилась широкая, привольная река, в которой весело купались ребятишки, Коля не выдержал:

— Сюда, отец, едем. Больше искать не надо.

— Да и я так думаю.

Они купили книжку о колхозе имени Молотова, разузнали адрес и быстро пошли к выходу.

Ильин спешил сообщить односельчанам, что колхоз он облюбовал именитый и ехать туда надо поскорей.

ЗАНГЕЗУР

фото С. Грунникова

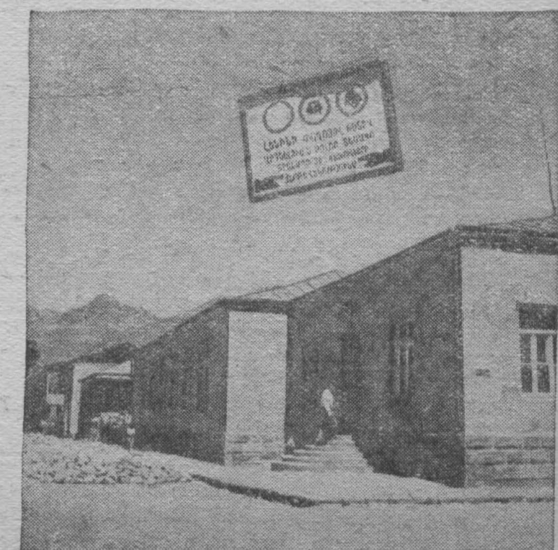
текст Ю. Промптова

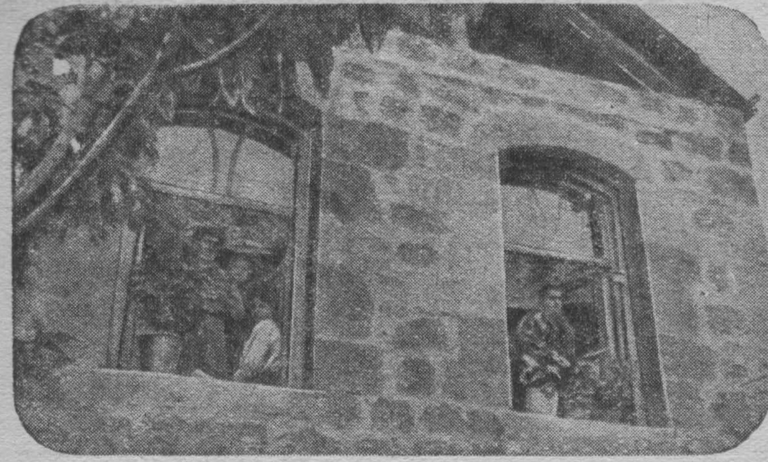

На юговостоке Армянской ССР, окруженная со всех сторон скалистыми хребтами, лежит горная страна Зангезур. На богатых вулканических почвах раскинулись колхозные поля, сады и пастбища Зангезура. За годы сталинских пятилеток широко развернулось освоение природных богатств этой горной страны. Разрабатываются Кафанские медные рудники, на бурных горных реках построены гидроэлектростанции. Прежде отрезанный горами от внешнего мира, Зангезур связан теперь с центрами страны автобусным и авиационным сообщением.

На снимке вверху — туфовые скалы — типичный пейзаж Зангезура — и заброшенное в горах селение Герюсы, в наши дни превратившееся в утопающий в зелени город Горис — культурный и административный центр Горисского района Зангезура; слева — улица Советов в Горисе; справа — одно из построенных за последние годы в Горисе новых зданий — дом отделения Госбанка СССР.

В прежние времена население Герюсы — нынешнего Гориса — ютилось или в мрачных домах-крепостях или в пещерах, выдолбленных в туфовых скалах. Нашествие иноземных завоевателей, недоверие к соседям и беспросветная бедность загоняли жителей Зангезура в пещеры. На снимке — руины оставленного жителями селения Герюсы и скалы, изрытые сотнями «жилых» пещер.

↑

Теперь жители из селения Герюсы переселились в новый колхозный поселок на окраине Гориса, в новые дома с электрическим освещением.

↑

С ростом материального благосостояния населения Зангезура развертывается и культурное строительство. Кроме нескольких начальных школ в Горисе открыты три техникума—животноводческий, педагогический и медицинский — и ряд библиотек и читален. На снимке — центральная библиотека-читальня в Горисе.

←

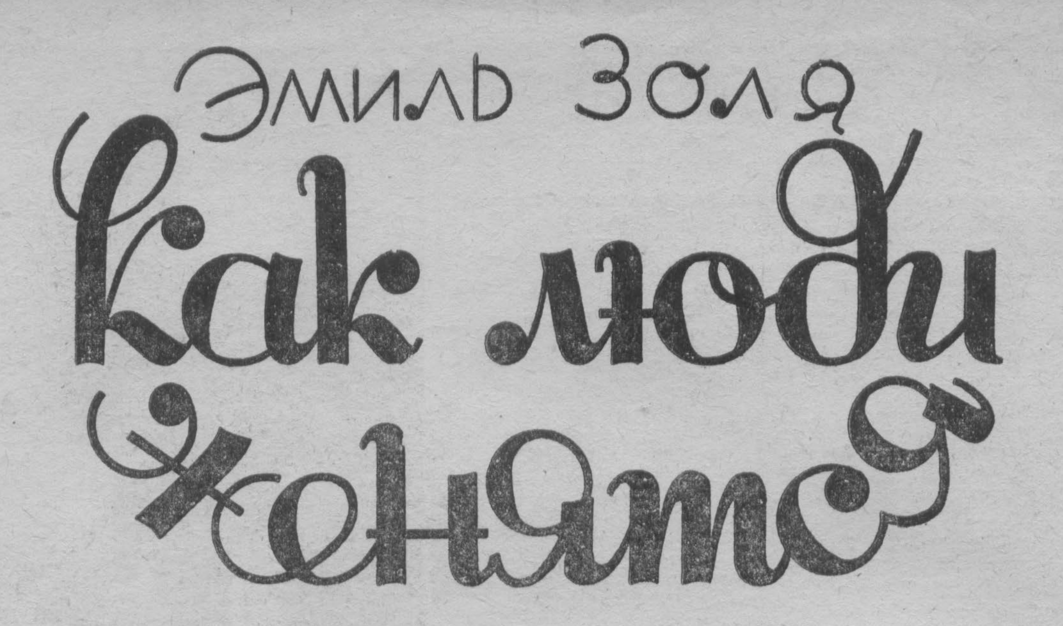
Растет счастливое молодое поколение страны социализма. На снимке — пионерский лагерь имени Микояна в Горисе. Старший вожатый проводит зарядку с отрядом пионеров.

ОКОНЧАНИЕ «СЕМЬИ ТИБО». Известный французский писатель Роже Мартэн дю Гар только что закончил свой капитальный труд — серию романов «Семья Тибо». Последние четыре тома ее, озаглавленные «Лето 1914 года», на русском языке еще не вышли, хотя отрывки из них печатались в ряде советских периодических изданий. Как известно, Роже Мартэн дю Гар получил за свою «Семью Тибо» нобелевскую премию по литературе.

«Лето 1914 года» кончилось смертью молодого идеалиста Жака Тибо, убитого при попытке разбрасывать с самолета пацифистские листовки над линией фронта. Только что вышедшая последняя книга «Семьи Тибо», озаглавленная «Эпилог», посвящена судьбе брата Жака — доктора Антуана Тибо. Он отравлен газом на фронте в Шампани в 1917 году и медленно умирает на французской Ривьере. Будучи врачом, он сознает, что положение его безнадежно. Антуан ускоряет свою агонию, впрыснув себе смертельную дозу морфия, подобно тому как он ускорил агонию своего умиравшего отца. Друг детства Жака Тибо, Даниэль Фонтанье, тяжело ранен и обезображен; он тоже избирает путь самоубийства. Остается Женни — возлюбленная Жака,— у которой родился от него сын — маленький Жан-Поль, которому отдает все свои надежды умирающий Антуан; имя ребенка — последнее слово, которым Антуан кончает свои предсмертные записки.

Французская критика отмечает потрясающую силу, с которой дана в «Эпилоге» сцена гибели Антуана. Этот индивидуалист, эпикуреец до конца стремится самостоятельно найти ответ на вопросы о смысле и назначении человека в жизни. Он отвергает и утешения религии и обычные философские банальности; он говорит: «Лучше муки неизвестности, чем ленивое моральное благополучие, раздаваемое бесплатно всем желающим». Умирающий Антуан приветствует знание, дающее ему силу мужественно встретить смерть: «Сколько глупостей,— говорит он,— написано о врачах, сознающих, что они умирают. Что касается меня, то эта ясность понимания своего положения, наоборот, поддерживала меня и поддержит до последнего вздоха. Знание — это не проклятие. Знание — это сила».

Эмиль Золя
Как люди женятся

Исполнилось сто лет со дня рождения замечательного французского писателя Эмиля Золя, создателя блестящей серии романов «Ругон-Маккары», гневного обличителя капиталистического общества, талантливого бытописателя трудового народа.

Золя был другом русской литературы. Несколько лет он печатался в русском журнале «Вестник Европы», к участию в котором его привлек Тургенев. В «Вестнике Европы» систематически помещались статьи и очерки Золя, по которым русский читатель знакомился с бытом французского народа. Некоторые из этих произведений писателя появлялись на русском языке раньше чем на французском.

Мы помещаем очерк Эмиля Золя из серии, озаглавленной «Как люди женятся». Этот очерк, появившийся в свое время в «Вестнике Европы», не вошел ни в одно из полных собраний сочинений писателя.

Луизе Боден уже за тридцать. Она высока ростом, не очень хороша, но и не дурна собой, и в результате долгого безбрачия на щеках ее плоского лица начинают появляться угри. Она дочь мелкого галантерейного торговца с улицы Сен-Жак, вот уже двадцать лет как обосновавшегося там в маленькой темной лавочке и за все это время успевшего скопить лишь с десяток тысяч франков — да и то приходилось для этого есть мясо не чаще двух раз в неделю, носить по три года одно и то же платье и считать каждый совок угля, когда топили зимой печку. Двадцать лет уже Луиза стоит там, за прилавком, откуда может наблюдать только, как проезжающие мимо фиакры обдают брызгами грязи пешеходов. Она дважды ездила за город: раз в Венсенн, другой раз в Сен-Дени. С порога лавки ей виден мост в конце улицы и протекающая под ним река. Она, впрочем, рассудительна и с детства привыкла бережливо относиться к каждому су: су за иголки, два су за нитки, которые она продает живущим в этом квартале работницам. Мать посылала ее учиться в маленький соседний пансион, но уже в двенадцать лет взяла ее оттуда, чтобы не пришлось нанимать продавщицу. Луиза умеет читать и писать, хотя в орфографии она несильна. Но что она знает в совершенстве,— так это четыре арифметических действия. Как она сама заявляет своим солидным тоном, она достаточно образованна, чтобы заниматься торговлей.

Но вот отец ее объявил, что даст за ней две тысячи франков приданого. Слух об этом немедленно разнесся по всему кварталу, и ни для кого уже не тайна, что мадмуазель Боден получит в приданое две тысячи франков. Недостатков в претендентах поэтому нет. Но Луиза — девушка осмотрительная. Она категорически заявила, что никогда не выйдет замуж за молодого человека, у которого ничего нет за душой. Замуж выходят ведь не для того, чтобы сидеть сложа руки и смотреть друг другу в глаза. Могут родиться дети; к тому же приятно иметь под старость кусок хлеба. А потому она хочет, чтоб у мужа ее, как и у нее самой, было, по меньшей мере, две тысячи франков. Тогда они смогут открыть небольшую лавку и честно зарабатывать на жизнь.

Но если женихи с двумя тысячами франков — и нередкость, то они желают обычно жениться на девушках, у которых в два—три раза больше денег. Вот почему Луизе грозит опасность остаться в старых девах. Она живо отвадила шелопаев, вертевшихся вокруг нее в надежде заполучить ее денежки. Она не против того, чтобы на ней женились из-за денег, ведь деньги, в конце концов,— это главное в жизни. Она хочет только найти такого мужа, который подобно ей самой относился бы к деньгам с должной бережливостью.

Наконец, Боденам сообщили как-то об одном очень достойном молодом человеке примерной нравственности, часовых дел мастере по профессии. Он жил по соседству вместе с матерью, получавшей небольшую пенсию. Проявив чудеса экономии, мадам Менье успела отложить на женитьбу сына полторы тысячи франков. Александр Менье на год моложе Луизы; он очень застенчив и вполне приличен. Но услышав о сумме в тысячу пятьсот франков, Луиза решительно заявила, что не стоит дальше вести разговор об этом сватовстве: она меньше двух тысяч не хочет, у нее уже все рассчитано. Между обеими семьями тем временем завязывается знакомство. Мадам Менье и сама уже стремится к этому подходящему для ее сына браку; узнав о сумме, которую требует Луиза, она одобряет благоразумие молодой девушки и обязуется в полтора года пополнить недостающее. Таким образом, все оказывается улаженным. Между семьями устанавливается теснейшая близость. Молодые люди, Александр и Луиза, спокойно ждут, ограничиваясь пока дружескими рукопожатиями. Каждый вечер все собираются в комнате за лавкой; сидя по обеим сторонам стола, молодые люди хладнокровно и рассудительно обсуждают новости своего квартала, говорят о преуспевании одних соседей, о безнравственном поведении или о неудачах других. За все восемнадцать месяцев они не обменялись ни одним словом любви. Луиза считает Александра очень порядочным человеком; она слыхала однажды, как он рассказывал, что не решается потребовать у приятеля десять франков, которые дал ему взаймы полтора месяца назад. Александр же заявляет, что Луиза словно рождена для коммерции, а это в его устах высшая похвала.

В назначенный день, точно, как в срок платежа, у мадам Менье оказываются требуемые две тысячи франков. Вот уж полтора года, как она отказалась от кофе, урывает гроши на еде, на освещении, на отоплении. Тогда назначают день свадьбы: через три месяца, чтобы было достаточно времени подготовиться. Решено, что Александр откроет мастерскую часов в маленькой лавочке, которую нашли тут же, на улице Сен-Жак, и в которой до этого торговала прогоревшая теперь фруктовщица. Необходимо сперва эту лавочку привести в порядок. В конце концов решают только оштукатурить потолок и побелить стены, так как маляр за то, чтобы заново все окрасить, запросил двести франков. Что же касается товаров, то на первое время можно ограничиться несколькими дешевенькими ювелирными вещицами и купленными по случаю стенными часами. Александр займется для начала починкой часов в своем квартале; а потом, когда их немного узнают, они постепенно добьются того, что их лавка будет одной из красивейших, одной из самых богатых товаром

на всей улице. После ремонта лавки и расходов на устройство у них останется еще три тысячи франков, с которыми они и будут поджидать случая купить по дешовке товар. Все эти хлопоты занимают их до самой свадьбы.

Когда зашла речь о брачном контракте, Луиза только плечами пожала, а Александр расхохотался. Ведь контракт обойдется, по меньшей мере, в двести франков. Нет, они сложат свои капиталы, и, значит, каждому из них будет принадлежать половина имущества — чего же проще. Они, впрочем, решают обставить все как полагается. Александр, помимо обручального кольца — золотого кольца за пятнадцать франков, — преподнесет Луизе цепочку для часов. Свадьбу отпразднуют в одном из пригородных ресторанов, в Сен-Мандэ, и Бодены заявили, что за угощение платят они.

Свадьба назначается на субботу, — таким образом для отдыха остается еще впереди целое воскресенье. Свадебный поезд состоит из пяти карет, снятых на весь день. Александр заказал себе к свадьбе сюртук и черные брюки. Луиза сама сшила себе белое платье, а венок и букет из флер д'оранжа подарила ей одна из теток. Впрочем, все гости — двадцать человек — также постарались принарядиться: дамы в розовых, зеленых, желтых платьях; мужчины в сюртуках, а один, бывший мебельный торговец, даже во фраке. Особенно привлекают внимание прохожих невестины подружки — две высокие белокурые девушки в белых муслиновых платьях, стянутых у талии широкими голубыми поясами.

В одиннадцать часов утра свадебный поезд трогается в путь и направляется в мэрию, где участники торжества заполняют зал для заключения браков. Почти целых три четверти часа приходится ждать мэра. Мэр, дородный человек, со скучающим видом отбарабанивает статьи закона, беспрестанно поглядывая при этом на висящие против него часы; он, очевидно, торопится на деловое свидание. Мадам Боден и мадам Менье усиленно льют слезы. Новобрачные произносят «да», вежливо поклонившись при этом мэру. А бывший торговец мебелью тем временем отпускает вольные шуточки, вызывающие среди мужчин смешок. Александр и Луиза припасли каждый по монете в пять франков для бедных. Потом свадебные гости снова рассаживаются по каретам, которые пересекают площадь и останавливаются перед церковью.

Накануне мосье Боден и Александр ходили сговариваться насчет обряда венчания; все должно быть как можно проще: не к чему ведь давать наживаться попам. Мосье Боден, свободомыслящий по убеждениям, хотел было и вовсе обойтись без церкви и уступил только из желания соблюсти приличия. Священник торопливо совершает короткий обряд венчания без певчих. Присутствующие встают и садятся по знаку причетника. Молитвенники только у женщин, да и они, впрочем, туда не заглядывают. Новобрачные серьезны, вид у них слегка скучающий, рассеянный и отсутствующий. Когда свадебный кортеж выходит из церкви, все облегченно вздыхают. Наконец-то! Теперь, значит, можно будет немного повеселиться.

К двум часам свадебные кареты прибывают в Сен-Мандэ. Обед состоится только в шесть часов. Решают поэтому доехать до Венсеннского леса. Свадьба на целых три часа превращается в праздничное гулянье под деревьями. Подружки резвятся как маленькие девочки, дамы ищут тени, мужчины закуривают сигары. И так как все участники торжества порядочно устали, они рассаживаются на полянке и забывают обо всем, прислушиваясь к звукам трубы, долетающим из соседней крепости, к пронзительным свисткам проносящихся мимо паровозов, к глухому рокоту виднеющегося на горизонте Парижа.

Между тем приближается час обеда и все возвращаются в ресторан. Стол накрыт в просторном зале, освещенном на манер кафе десятью газовыми рожками; стоят большие букеты искусственных цветов, несколько поблекших от долгого употребления.

Обед начинается среди стука ложек о тарелки с супом. Потом гости постепенно оживляются, перебрасываются через весь стол шуточками. Веселье достигает своего апогея, когда один из молодых людей — приказчик галантерейного магазина — забирается под стол и развязывает у новобрачной подвязку, целый ворох лент, которыми мужчины, поделив их между собой, украшают свои петлицы. Луиза хотела было, чтобы ее избавили от этой традиционной свадебной шутки, но отец объяснил ей, что от этого пострадало бы свадебное веселье, и она, с присущим ей здравым смыслом, покорилась обычаю. Александр громко хохочет и веселится напропалую, как подобает честному малому, которому не часто приходится развлекаться. Подвязка вызывает двусмысленные шуточки. При слишком рискованных, — дамы закрывают лицо салфеткой, чтобы вволю посмеяться.

Девять часов. Официанты просят гостей перейти на минуту в соседнее помещение. И за это время

Эмиль Золя.

Рисунок К. Теодоровича

быстро убирают стол. Обширная столовая превращается в танцовальный зал. На эстраде две скрипки, корнет-а-пистон, кларнет и контрабас. Начинается бал. Белые платья подружек с развевающимися голубыми поясами носятся всю ночь с одного конца зала в другой среди черных сюртуков мужчин. Жарко, и дамы открывают окно, чтобы подышать свежим воздухом. Разносят на подносах смородиновый сироп в стаканах. Около двух часов ночи начинают искать новобрачную, но она исчезла: вместе с матерью и мужем она возвратилась в Париж. Мосье Боден остался как представитель семьи, чтобы поддерживать среди гостей веселье. Танцовать ведь полагается до рассвета.

На улице Сен-Жак мадам Боден и две другие дамы занялись ночным туалетом новобрачной. Уложив ее в постель, они начинают плакать. Это выводит из терпения Луизу; ей приходится их успокаивать, после чего она их выпроваживает. Сама она совершенно спокойна, только утомлена и очень хочет спать. И так как Александр робеет и является не сразу, она действительно засыпает на своей стороне кровати, у стены. Но вот на цыпочках подходит Александр. Он останавливается, с минуту облегченно смотрит на задремавшую Луизу, потом раздевается и с тысячью предосторожностей, стараясь не толкнуть ее, забирается под одеяло. Он даже не целует ее: успеется завтра утром. Времени у них достаточно, ведь это на всю жизнь.

Они живут очень благополучно. Детей у них, к счастью, нет: ведь дети бы только мешали им. Торговля их процветает, лавка растет, витрина наполняется ювелирными изделиями и часами. Торговыми операциями ведает, как деловая женщина, Луиза. Она часами стоит за прилавком, улыбаясь клиентам и сплавляя им под видом новинки вышедшие из моды ювелирные украшения. По вечерам, заложив за ухо перо, она проверяет счета. Часто бывает также, что она целыми днями бегает по Парижу в поисках дешового товара. Жизнь ее проходит в нескончаемых деловых заботах. Женщина исчезает, остается только предприимчивый и ловкий торговец, лишенный пола и какой бы то ни было способности увлекаться, одержимый навязчивой идеей во что бы то ни стало добиться пяти — шести тысяч ренты, чтобы потом, уйдя от дел, проедать их где-нибудь в Сюрене, в домике, выстроенном на манер швейцарского шалэ. Александр поэтому вполне спокоен и слепо доверяет жене. Он только часовых дел мастер и занят исключительно починкой карманных и стенных часов. И кажется, что самый их дом — большие часы, ход которых они раз и навсегда отрегулировали.

Они никогда не задумываются над тем: любят ли они друг друга? Но твердо знают, что они честные компаньоны, жадные к наживе и продолжающие спать вместе, чтобы избежать двойного расхода на стирку постельного белья.

Перевод Р. ГУРОВИЧ.

ИЗНАНКА «ДЕМОКРАТИИ». Кто может стать во Франции министром, дипломатом, высшим сановником республики? Формально, каждый гражданин, если у него для этого имеются соответствующее образование и способности. Но это только формально. В действительности путь к руководящим постам открыт только для «двухсот семейств» и их ставленников. Лишь в самых редких случаях человеку из народа удается «выбиться в люди», при условии, что он полностью стал на службу правящим классам.

Основным поставщиком кадров для высшей бюрократии Франции является парижская Свободная школа политических наук. За последние 37 лет из этого высшего учебного заведения вышли сотни крупных сановников. Из 120 лиц, назначенных членами Государственного совета, 116 являются бывшими питомцами Свободной школы; из 284 человек, поступивших на дипломатическую службу, 249 имеют диплом этой школы. Из ее стен вышел ряд министров, участвовавших в сменивших друг друга правительствах последнего десятилетия.

«Свободной» именуется эта школа потому, что она не является государственным высшим учебным заведением, а содержится за счет крупных банкиров, промышленников и помещиков. Во главе ее стоит совет, в который входят представители капиталистов и аристократических семейств. Они производят тщательный отбор студентов, руководствуясь в первую очередь родственными связями, имущественным положением, отношением к «великосветскому» обществу. Заявления от «кухаркиных детей» о приеме в школу отвергаются. Плата за обучение чрезвычайно высока, совершенно недоступна для «простых смертных».

ОДНИМ БАНДИТОМ МЕНЬШЕ. Швейцарская газета «Травай» сообщает о конце, который постиг белобандита Конради, убийцу тов. Воровского. Будучи оправдан швейцарским судом, кокаинист и пьяница Конради долгое время слонялся в Швейцарии, пока не был арестован за то, что укусил танцовщицу ночных кабаре. Покровители Конради добились его освобождения, и он перебрался в Африку, где поступил во французский иностранный легион. Здесь он заразился какой-то болезнью и умер в военном госпитале.

Саша привязал Салюта и стал чистить его. Конь, серебряной масти, с темными стройными ногами, стоял спокойно, легко и, лакомясь сахаром, изредка косил лиловым глазом на Сашу.

— Долго будешь грубить матери? — не глядя на сына, спросил Василий Иванович. — Скажи: в кого ты такой грубиян? А?

— Совсем не грубиян, — ответил Саша и смело заглянул в глаза отцу, — я только сказал ей, что она плохая колхозница...

— Замолчи! Как тебе не стыдно?! — прикрикнул Василий Иванович и переменил тему разговора: — Кроме того я узнал, что по арифметике у тебя «неуд»... Верно?

— «Неуд»? — удивился Саша. — Это тебе кто сказал? — он подошел к отцу, достал дневник из кармана, протянул: — «Неуд»? На, погляди!.. Все предметы на «отлично»...

— Ладно, ладно... после разберусь, — бросив взгляд на отметки в дневнике, сердито сказал Василий Иванович и, смягчившись, добавил: — Иди и выводи свою конницу в леваду. Пусть побегают...

I

Саша проснулся раньше всех. Он зевнул и, потягиваясь, сошел с крыльца.

В синеве меркли розоватые звезды. Над прудом белел туман. В старом липовом парке, еще темном, кричали грачи. На дворах колхозников перекликались петухи. Пахло горьковатым дымом, печеным картофелем. На востоке зарумянилась полоска неба. От нее падал малиновый свет на улицу, водовозку, на тихую березу в палисаднике. Саша зачерпнул черпаком воды из бочки, придерживая его, склонился и окатил водой голову.

— Фу, фу! — приплясывая загорелыми ногами, воскликнул он.

— Опять родимец воду зря льет, — раздался из избы голос матери, — в кого он уродился такой чистюля?

Саша насторожился. Отец, откашлявшись, сказал:

— Наверно, в тебя. Говорят, будто ты в девках умывалась раз десять в день, чтобы согнать веснушки с лица.

Мать не ответила, но сердито чем-то грохнула: видно, уронила стул.

Сады отцвели, и в их густой блестящей листве наливались яблоки, груши. Трава по обочинам дороги была серой от росы. В ней то там, то здесь желтели одуванчики.

Выйдя из-за садов и огородов на поляну, Саша зашагал быстрее. В березовом лесочке, за голубым овсяным полем, паслись племенные матки. Оттуда изредка, нарушая тишину, доносились повизгиванье жеребят и тревожно-призывное ржанье их матерей.

«Ребята теперь спят на опушке, а Родион Петрович ходит вокруг табуна, охраняет его. Он даже мне не доверяет, а я в прошлом году, весной, засек кнутом волка, напавшего на жеребенка. На другой день, утром, почти все село пришло смотреть на зверя. Как тогда волк ощерил клыки на меня... Ух!..»

Саша ощутил холодок на спине. Когда он подошел к конному двору, звезд осталось совсем мало и полоска зари до того накалилась, что приняла густомалиновый цвет. Услыхав голос Саши, его шаги, радостно заржал Салют. За ним, постукивая копытами по доскам пола, подали голос Сокол, Зверобой и другие, — так орловцы ежедневно приветствовали юного коневода. На худеньком остроносом лице Саши засветилась счастливая улыбка, серые глаза вспыхнули.

— Какие неспокойные, — сказал он нарочито громким голосом.

Когда Саша вошел в коридор конного, поглядел на стенные часы, было без десяти четыре. Длинный коридор освещался фонарями. Их огоньки, едва мерцавшие из сумрака, напомнили ему цветы одуванчиков. Он прошел по коридору, прислушиваясь к возне лошадей, к твердому постукиванию их копыт, к ржанию: кони чувствовали его хозяйские шаги. Он открыл настежь восточные ворота. Коридор наполнился малиновым светом зари. Ведра, висевшие на стене, засверкали пламенем. Удила уздечек заискрились как угли. Да и сам Саша казался багряным. Из сада доносилось веселое пение птиц. Он снял ведро с крюка и стал поить лошадей. Несмотря на то что бочки с водой стояли у восточных ворот, он все же начал не с орловцев, стоявших ближе, а прошел с ведром почти через весь коридор к стойлу, в котором находился Салют, его любимец. Напоив его, ласково поговорив с ним, Саша остался доволен, что Салют здоров и весел. Потом стал поить Копчика, Струнку, Сокола, Голубку и Милку.

— Не кони, а загляденье! — подал голос Клим Данилович. — Кто только кататься будет на них? Охо-хо... Что ты, Санька, станешь делать, когда их заберут в Красную Армию?

— Никому не доверю их... Сам поведу. Для нашей кавалерии нужны лошади хорошие... Вот я и стараюсь, чтобы они были лучше всех... первыми во всем районе... А скучать, Клим Данилыч, мне некогда: я уже выбрал жеребяток, буду их выращивать, когда сдам вот этих в армию... — Саша нахмурился, сказал: — И любит отец подрыхнуть. Придется мне, видно, и его лошадей напоить.

Клим Данилович ничего не ответил, а только покачал головой, достал табакерку, открыл ее, запустил по две щепоти в каждую ноздрю, чихнул несколько раз и, шмыгая каблуками, направился к выходу. В другие ворота, в которые светила заря, вошел отец, Василий Иванович Рожков.

— А я хотел поить твоих... — начал Саша и, взглянув на сердитое лицо отца, запнулся.

Василий Иванович молча напоил лошадей. Потом отец и сын разнесли сено и овес по кормушкам, не сказав друг другу ни одного слова. Молчали они и тогда, когда чистили конюшни и денники; оба работали внимательно и быстро.

«Не хочет говорить, — подумал с обидой Саша и тут же ответил себе: — Видно, мамка нажаловалась ему. Ну и пусть! Хотя она и мамка, а неправа: работать не любит в колхозе».

Василию Ивановичу за пятьдесят, но он стоит прямо и сильно на земле. У него молодое смуглое лицо, словно отлитое из бронзы, красивый лоб, черные усы, карие блестящие глаза. Только волосы на голове кажутся дымчатыми: поседели. От него, как и от Саши, пахнет здоровым, чистым запахом лошадей.

II

Саша возвращался из соседнего колхоза: отводил туда рысака, молодого производителя. В этом году, осенью, их колхоз должен передать еще несколько производителей соседним колхозам.

У ворот двора его ждали пионеры. Василий Иванович что-то рассказывал им. Они смеялись. Саша подошел к товарищам.

— Идемте в сельсовет, — предложил он, — там, в комсомольской комнате, поговорим...

Пионеры шумно направились к сельсовету. Собрание открыл Саша. Он поднял руку. В комнате прекратился говорок, собравшиеся устремили глаза на оратора, стоявшего за столом. Его остроносое лицо было смущенно и красно, а глаза потемнели от волнения. «Что ж это я молчу-то?» — тревожно подумал Саша, оперся руками на красный стол и поднял взгляд к потолку: так делал секретарь их парткома, когда выступал с докладом перед колхозниками.

— Ребята, — начал он, и его взгляд забегал по потолку, — скоро начнется уборка колосовых... Вчера комсомольцы постановили убрать в десять дней озимые и яровые... Чтобы выполнить план косьбы, вязки и копнения, они подготовили жнейки, конные грабли, привели в порядок молотилку... Ребята, в прошлом году наш колхоз убирал рожь, овес и пшеницу больше месяца... В этом виноваты несознательные колхозники — наш колхоз потерял в прошлом году не одну сотню пудов лучшего зерна... Ребята, мы пионеры... — Саша перевел взгляд с потолка — так тоже часто делал секретарь парткома — на собравшихся и стукнул ладонью по столу, — обязаны помогать комсомольцам: подводить лошадей на смену, в обеденные перерывы, подносить наточенные ножи для жнеек... Помогать в копнении комсомолкам-ударницам... В прошлом году мы ничего этого не делали, так как были несознательные... Ребята, вам известно, что бригада Кати, секретаря комсомола, постановила вязать не по четыре копны, а по десять — двенадцать копен в день.

Когда Саша кончил речь, пионеры и ребята, сидевшие настороженно на стульях, оживились, стали задавать вопросы оратору:

— Кому подносить?

— Известно!..

— Что известно? Лодырям подносить не станем!

— Подносить будем только тем, которые свяжут в день по двенадцать копен!

— И тем, которые свяжут четырнадцать? — спросил Федя. — Моя сестра в прошлом году по четырнадцать копен вязала, а бабы и девки, которые вязали в день по три — четыре копны, смеялись над ней... толстомордой и двужильной прозвали... Сестра каждую ночь плакала... И никто не заступился за нее...

— Твою сестру, Ваня, не дадим в обиду,— в один голос заявили ребята.— Слышишь, не дадим!..

— А тем, которые свяжут три—четыре копны?—спросил Алеша.

— Таким вязальщицам мы будем помогать в стенной газете, а не на вязке снопов,— пояснил Саша.— Да и в районной...

— Правильно!—раздались дружные голоса.—Пусть читают!

III

На столе самовар; стаканы с остывшим чаем; пеклеванные лепешки, расписанные гребешком; ваза с розовым мармеладом; яблоки-антоновка; ее тонкий приятный запах стоит в горнице. Вся семья Рожковых сидела неподвижно, устремив глаза на черный круг рупора: Вячеслав Михайлович Молотов, председатель Совнаркома СССР, говорил речь по радио об оказании братской помощи трудящимся Западной Белоруссии и Западной Украины. Когда речь главы правительства закончилась, Саша поднял глаза на отца и взволнованно сказал:

— Наши войска перешли границу!

— Да, уж теперь наверно,—отозвался Василий Иванович.

Он был не меньше взволнован решением правительства чем его сын.

Саша встал из-за стола и вышел на улицу. Почти у каждого дома стояли группы мужчин и женщин, девушек и парней—все горячо обсуждали речь Молотова. Прислушиваясь к их словам, он видел, что колхозники единодушно одобряли и приветствовали решение своего правительства: это было их решение. Саше захотелось петь, но кругом у всех лица были серьезные. Он в приподнятом настроении отправился на конный двор. Отец уже был там и давал корм лошадям.

— Санька,—остановил Василий Иванович,—завтра, утром, поведешь своих коней в район, на пункт... Смотри, чтоб они были... Не опозорься, коневод...

Саше стало как будто холодно от слов отца. Он вздрогнул, повернулся к нему.

— Жалко?—улыбаясь в усы, спросил Василий Иванович.

— И совсем не жалко...—возразил Саша.— Я и выхаживал их для этого... Вот только я привык к ним... А кони у меня в порядке...—повеселев, ответил он.—Я могу их и сейчас вести...

Несмотря на то что лошади действительно содержались образцово, в отменной чистоте, он выводил поочереди каждую на улицу, осматривал копыта, расчесывал гриву, чистил, потом вынимал платок из кармана и проводил им по шерсти животного. Если платок не пачкался, ставил коня в стойло. Но если на платке оставался след, он еще раз чистил коня.

Саша весь этот день провел вместе с отцом на конном дворе, не пошел на собрание колхозников, посвященное выступлению Красной Армии.

На другой день, на рассвете, Саша поднялся, надел пионерский галстук, напоил лошадей, накормил и еще раз почистил их, а как только поднялось солнце, собрался вести их в город, на мобилизационный пункт. Он вывел лошадей из стойл и передал их проводникам, каждому по две.

От колхоза до города двенадцать километров. Дорога живописная. Она то поднимается в гору, то опускается вниз, то идет меж ровных широких полей, которым как бы нет края, то лесом, то опять вьется меж полей. То здесь, то там шумели тракторы, блестели черным лаком вспаханные полосы.

— Это наши трактористы поднимают зябь... Ну и земелька... цены нету ей... Наша родная,— сказал Петр Яковлевич Анохин.

Алексей Карнаухов, ехавший за ним, отозвался:

— Золото... Ежли приложить как следует руки к ней, то родит четыреста пудов с га...—и, немного помолчав, сказал:—Я думаю, Петр Яковлевич, что скоро и земля польских панов перейдет навечно к крестьянам...

— А почему бы ей, земле-то, и не перейти к ним? Закон советской власти везде один...

Саша, слушая разговор Анохина и Карнаухова, улыбнулся. Он вспомнил, что, когда председатель райисполкома вручил их колхозу акт на вечное пользование землей, они, Анохин и Карнаухов, во время общественного обеда, на великом торжестве, подвыпили и больше всех веселились. После обеда, в первом часу ночи, Саша отвез на Зверобое вот по этой же дороге председателя райисполкома. Тогда была зима, хрустел снег под ногами. Зверобой бежал легкой, неслышной рысью, и только тонкие полозья санок свистели по накатанному снегу. Небо было темносинее, и с него, казалось, падали звезды, розовые и голубые. Председатель, закутавшись в тулуп, что-то напевал: он был весел, как Анохин и Карнаухов, как все граждане колхоза.

— Да,—вздохнул Саша,—и земля и все, что есть на ней, навечно наше.

И он еще раз окинул взглядом простор—красоту земли, и ему захотелось петь.

Сокол, услыхав его знакомый звонкий голос, радостно вздрогнул и перешел на рысь.

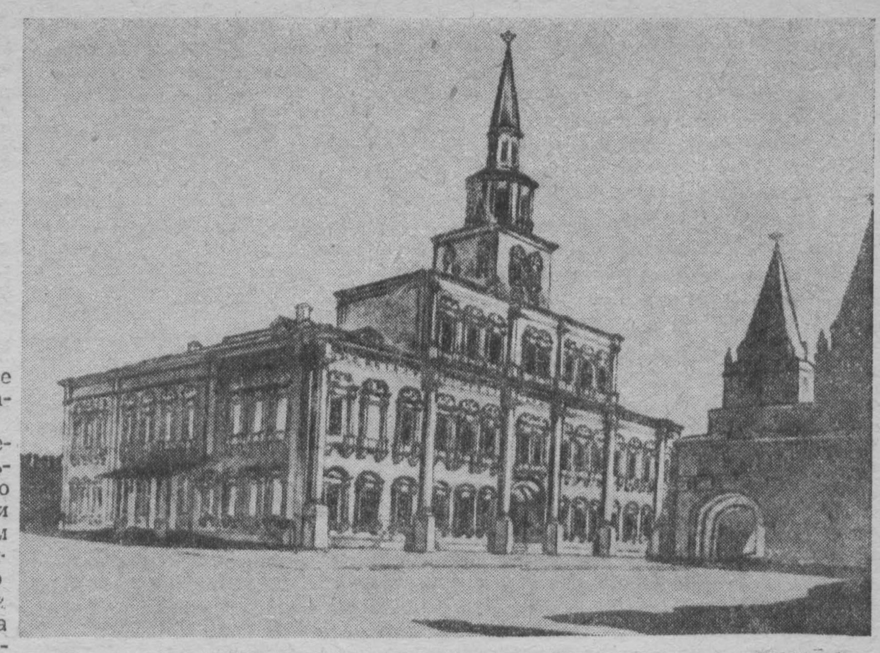
В Москву, на Выставку!

Фотоэтюд А. Скурихина.

Ефим Дорош

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

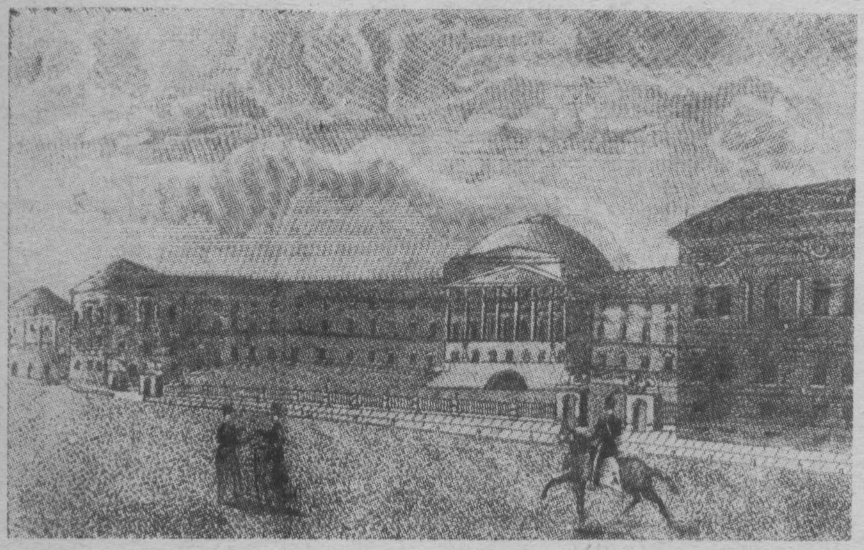
Фото Л. Смирнова

Первое здание Московского университета на Красной площади (1755—1793 годы).

Утром 26 апреля (7 мая) 1755 года к зданию аптеки, что у въезда на Красную площадь, стала съезжаться московская знать. Впрочем, аптека и помещавшаяся в доме австерия вот уже несколько месяцев, как выехали отсюда. Трудами архитектора Ухтомского дом был перестроен, а к нынешнему дню увенчанный башней фасад его украшен флагами, вензелями и пока еще не зажженными плошками. Во внутренних покоях была сделана галерея, где между колоннами стояли изваянные из глины младенцы, державшие книги и глобусы, а посредине струился натуральный фонтан. Играла музыка. Дворяне в пудреных париках, бородатые купцы и пропахшие табаком ученые чинно ждали начала торжества.

Вскоре начались речи—торжественные, скучные и для большинства гостей непонятные. По обычаю времени, ученые мужи произносили их на латинском языке, снисходя иногда до языков немецкого и французского. Впрочем, одна речь—горячая и страстная—была произнесена на русском языке. Ее произнес магистр Барсов, сын справщика Московской духовной типографии, воспитанник Славяно-греко-латинской школы и ученик Ломоносова. Многим это показалось диким, чуть ли не оскорбительным для науки, словно в эти пышно убранные покои ворвалась толпа, что стояла под окнами здания, на поросшей молодой травой площади.

Здание Московского университета на Моховой (начало XIX века).

Студенты-революционеры в Бутырской тюрьме. 1902 г.

После речей последовал ужин, а когда стемнело, зажглась иллюминация.

До четырех часов пополуночи длилось торжество. Гудели трубы, гремели литавры. Так сто восемьдесят пять лет назад открылся Московский университет и две гимназии при нем: одна—для дворян, другая—для разночинцев.

Университет состоял из трех факультетов: юридического, медицинского и философского. Десять профессоров, из которых восемь были иностранцы, составили, как мыслил еще Петр Первый, «собрание ученых, которые обучают молодых людей высшим наукам в том самом виде, в каком они теперь находятся...»

Курс обучения определен был в три года.

Лавры основателей университета достались просвещенному вельможе Шувалову, составившему проект, и императрице Елизавете, благосклонно отнесшейся к проекту. Но подлинным отцом университета был великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов.

•

Жестокие порядки, царившие в задавленной рабством самодержавной империи, находили себе место и в университете. Провинившихся в чем-либо студентов подвергали телесным наказаниям, сажали на хлеб и на воду, одевали на три дня в крестьянскую одежду, что, по мысли начальства, должно было быть особенно унизительным. Ко всему этому почти все преподаватели и профессора не знали русского языка и студенты плохо понимали лекции. Впрочем, студентов было мало; в иной год пять—шесть человек на факультет. Казалось, университет, столь пышно открытый, зачахнет. Казалось, прахом пойдет труд, которому Ломоносов отдал многие годы жизни.

Но, видно, здоровым было зерно, брошенное великим сеятелем.

Профессора Поповский и Барсов—особенно последний, намного переживший своего товарища—боролись за то, чтобы преподавание велось на русском языке и наука, тем самым, стала доступной для всех. Наиболее передовые представители московского дворянства, понимавшие, как необходимы стране образованные люди, которые могли бы работать в областях административной, педагогической и прочих, дарили университету ценные коллекции, библиотеки, оборудование для лабораторий.

Типография университета, особенно в годы, когда ее арендовал знаменитый Новиков, стала центром, из которого просвещение распространялось по всей стране. Университет рос, количество слушателей увеличивалось, появились профессора из числа студентов, окончивших курс.

В начале прошлого столетия в Московском университете учились будущие декабристы Анненков, братья Муравьевы, Николай Тургенев, Якушкин и многие другие. Несколько позднее сюда поступил Лермонтов, который свежестью и объемом своих знаний превосходил многих профессоров, постоянно спорил с ними и ушел из университета, не закончив курса. Здесь начинал свою критическую деятельность великий Белинский, признанный университетским начальством «неспособным к наукам» и переведенный в канцелярские служители. Здесь учились Константин Аксаков, Станкевич, Огарев и Герцен.

Только два—три профессора — Павлов, Надеждин, отчасти Давыдов,—знакомившие студентов с новыми западными идеями, пользовались популярностью. Своими лекциями они будили в юношестве критическую мысль, которая, не найдя себе пищи в стенах университета, искала ее в иных местах. Так возникали бесчисленные студенческие кружки, легальные и нелегальные. Видную роль в этих кружках играли разночинцы, в подавляющем большинстве дети бедных священников, угловатые, не блиставшие манерами юноши. Они глубоко знали жизнь, были разносторонне образованны, отлично владели древними языками, понимали и любили искусство и отличались серьезностью в суждениях. Еще в начале прошлого века они отваживались на университетских диспутах отстаивать преимущества республиканского обра-

за правления перед монархическим.

В 1814—1816 годах особенно выделялся С. М. Семенов, поклонник французских энциклопедистов и будущий декабрист. Членом такого кружка был поэт Полежаев, отданный в солдаты через пятнадцать дней после казни декабристов. Поводом к этому послужил донос жандармского полковника Бибикова на студентов Московского университета, которые «не уважают закона, не почитают своих родителей и не признают над собой никакой власти».

В тридцатых годах прошлого столетия среди многих прочих кружков отличался кружок Станкевича, членом которого был Белинский, а позднее — Бакунин, Боткин, Грановский.

В начале шестидесятых годов в университете существовал революционный кружок, которым руководили студенты Зайчневский и Аргиропуло. Участники этого кружка печатали и распространяли запрещенные произведения Герцена, Огарева, Фейербаха. Для этой цели они пользовались университетской типографией, где Аргиропуло ведал печатанием лекций, а позднее в доме Дроздова на Самотеке создали собственную «Вольную русскую типографию». Они принимали участие в организации народных воскресных школ, преподавали в этих школах, составили и выпустили для них букварь, арифметику, подвижную азбуку. Члены кружка пытались работать и среди крестьян. По некоторым сведениям можно предположить, что они отпечатали воззвание Чернышевского «Барским крестьянам».

Вскоре кружок был разгромлен и многие из его участников арестованы. Уже сидя в заключении, Зайчневский написал прокламацию «Молодая Россия», которая была напечатана и распространена в 1862 году. В ней он призывал к революции, задачей которой должна быть организация федеративной, «социальной и демократической республики русской», где фабрики принадлежат обществу, где существуют общинное владение землей, кооперативные лавки, совместное воспитание детей.

Был еще кружок Ишутина, из среды которого вышел Каракозов, неудачно стрелявший в Александра II; в семидесятые и восьмидесятые годы были кружки, связанные с партией «Народная воля».

Когда на арену российской истории вышел пролетариат, в студенческих кружках стали изучать произведения Маркса, Энгельса, а позднее и Ленина. Известны случаи, когда реакционные профессоры, клеветавшие на марксизм, встречали неожиданных и страстных оппонентов из среды своих слушателей, которые после участия в ученом диспуте попадали в тюрьму. Но дело не ограничивалось одним лишь изучением марксистской литературы. Сила новой философии была в том, что она, в отличие от старой—гегелевской и фейербаховской,—не только объясняла мир, но и учила, как его переделать. Студенты шли в рабочие кружки, отдавали пролетариату свои знания, учились у него революционной выдержке, непримиримости в борьбе с самодержавием.

В первые годы нашего столетия в Московском университете работала подпольная организация РСДРП, секретарем которой был И. Д. Удальцов, ныне профессор исторического факультета. Члены этой организации печатали и распространяли нелегальную литературу, устраивали сходки совместно с рабочими московских предприятий, держали связь с Замоскворецким и Московским комитетами партии. Революционная борьба студентов стала частью общепролетарской борьбы.

●

Ломоносовское начало в университете составляла также его прогрессивная профессура, от ломоносовских учеников и до профессоров наших дней. Влияние этих ученых на студентов, да и на все современное им общество, стало особенно сильным в 1839 году, когда из-за границы вернулся профессор всеобщей истории Т. Н. Грановский, возглавивший группу новых профессоров, как называли их тогда—«западников». Это были люди различных политических и философских взглядов, большей частью довольно умеренных. Объединяли их сочувствие западному буржуазно-освободительному движению и искреннее желание, чтобы отсталая Россия как можно скорее догнала цивилизованную Европу.

В 1845 году кафедру русской истории в университете занял С. М. Соловьев, блестящий ученый, первый из тех, кто научно подошел к изучению истории нашей страны, опиравшийся в своих работах на подлинные документы.

С начала семидесятых годов здесь работают: виднейший химик Марковников, выдающийся специалист в области экспериментальной физики Столетов, крупный астроном Бредихин, медики Бабухин и Захарьин, революционер науки, будущий «депутат Балтики»—Тимирязев. В эту блестящую плеяду ученых входят знаменитый Сеченов, Ключевский, а позднее—талантливая молодежь, в числе которой химик Каблуков, ныне почетный член Академии наук, зоологи Кулагин и Мензбир, астроном Штернберг, впоследствии «большевик-звездочет», руководитель боевых дружин в октябрьские дни семнадцатого года, член Реввоенсовета 2-й и Восточной армий.

В тайных студенческих кружках, в уличных демонстрациях, в университетских аудиториях и

Памятник М. В. Ломоносову у здания Московского университета.

на публичных лекциях руками лучших людей страны строился Московский университет, этот «Собор русской цивилизации».

Почти на другой день после открытия рассадника просвещения правительство начало борьбу с самим просвещением. Сначала эта борьба выражалась в грубом вмешательстве в университетские дела, в «заботах о нравственности» студентов, которым предписывалось в обязательном порядке читать по воскресным дням библию.

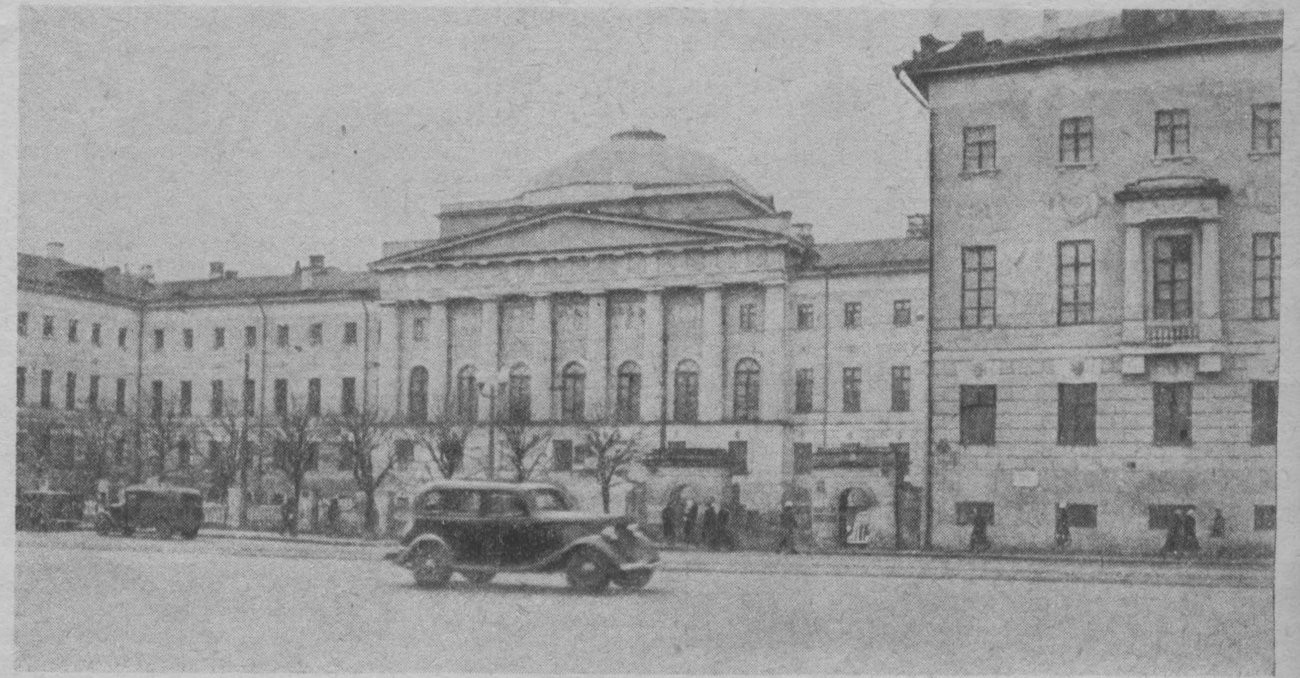
Когда революционное значение университета возросло, меры, которые принимало по отношению к нему правительство, стали суровее. Здесь были и мелочные придирки к студентам, которым запрещалось носить бороду, усы, вменялось в обязанность чистить пуговицы мундиров; и требование справок от полиции о поведении при поступлении в университет; и попытки подкупить часть молодежи путем раздачи пособий, стипендий, мест в общежитиях.

Время от времени студенты лишаются права собираться на сходки, устраивать корпорации; свирепствуют инспекторская слежка и шпионаж; неугодные студенты изгоняются из университета без права поступления в него, а иногда и в другие высшие учебные заведения.

Были годы, когда вовсе прекращался прием в университет, а в декабре 1904 года он был закрыт и фактически не открывался до осени 1906 года.

Но главное, что красной нитью проходит сквозь всю дореволюционную историю университета, это попытки правительства превратить его в школу для высших сословий империи. Из года в год повышается плата за слушание лекций, сокращается выдача свидетельства о бедности, уничтожаются пособия нуждающимся студентам.

Горькую улыбку в наши дни вызывают бесчисленные документы, в которых императорские министры народного просвещения, повторяя друг друга, усердно доказывали, что «лица низшего сословия, выведенные посредством университетов из природного их состояния, не имея по большей части никакой недвижимой собственности, но слишком много мечтая о своих способностях и сведениях, гораздо чаще делаются людьми беспокойными и недовольными настоящим положением вещей, особливо если не находят пищи своему чрез меру возбужденному честолюбию или встречают на пути к возвышению непредвиденные преграды». Иными словами, просвещение вредно «низшим классам», которые, как писал Победоносцев,

Московский государственный университет.

Занятия по физкультуре.

«должны получать... образование, нужное для жизни, а не для науки».

Наряду с чисто полицейскими мерами правительство применяло и более «тонкие», пытаясь воздействовать на «идейную» сторону молодежи. Прежде всего это было преследование прогрессивных профессоров, которое выражалось в том, что Тимирязев, например, не имел собственной аудитории, кочевал со студентами из помещения в помещение, за что и получил название «странствующего профессора»; Марковников, изучавший кавказскую нефть, вынужден был обращаться за денежной помощью к частным фирмам; профессора Столетова травили в течение трех лет.

Университетскому начальству предписывалось тщательно проверять программы лекций, «чтобы в содержание программы не укрывалось ничего несогласного с учением православной церкви, или с образом правления и духом государственных учреждений наших». Ректору с деканом вменялось в обязанность следить за тем, чтобы в программы и в устное преподавание с кафедр не проникли «рассуждения, имеющие целью... поколебать установленные законом отношения между различными состояниями, двусмысленные... намеки насчет несбыточных теорий об общности капиталов и недвижимых имуществ... всякого рода попытки притязания пролетариев к общественной и частной собственности».

Но все эти циркуляры и предписания не могли остановить неумолимый ход истории. Лучшие представители студенческой молодежи шли к пролетариату, а пролетариат не раз приходил на помощь студентам в дни уличных демонстраций и боев с полицией у Манежа. Особенно тесным этот союз стал в 1905 году, когда пламенное дыхание революции ворвалось в аудитории университета, разделив студентов и профессоров на два лагеря; когда все честное и сильное духом, что было среди учащейся молодежи, взяло оружие и вышло на баррикады; когда кровь студента смешалась с кровью лучших людей рабочего класса.

«Дорого,—писала одна газета того времени,—очень дорого отдал свою жизнь молодой человек в форменной студенческой одежде, высокого роста, с длинными волосами,—у него разрублена голова и грудь пронизана пулями... будучи окружен солдатами, он многих перестрелял из револьвера и дрался кулаками; грыз руки, когда его вели под расстрел. Казнь над ним исполнена у Горбатого моста».

•

Светлый образ этого безвестного юноши, отдавшего жизнь за счастье будущих поколений, встает в памяти, когда входишь в аудиторию Московского университета. Около пяти тысяч студентов, представителей тридцати восьми национальностей, учатся на семи факультетах старейшего высшего учебного заведения страны. Пятьсот с лишним аспирантов совершенствуются здесь в науках, чтобы достойно войти в семью передовых советских ученых. Научную и педагогическую работу в университете ведут четырнадцать академиков, двадцать девять членов-корреспондентов Академии наук СССР, сто пятьдесят девять докторов и двести двадцать семь кандидатов наук. Люди эти не только передают свои знания молодежи, но и продолжают развивать науку, для чего правительством создано при университете одиннадцать научно-исследовательских институтов.

Начиная с первых дней революции и до нашего времени ученые университета плодотворно работают над разрешением многих научных проблем. Труд их—в обороне нашей страны, в промышленности, в сельском хозяйстве, в тысячах педагогов и научных работников, которые, выйдя из стен университета, в свою очередь обучают людей, развивают науку, служат своими знаниями и уменьем народу. И народ воздает должное своим ученым, своему университету. Народ берет на себя заботу о студентах на все время, пока

Студентка 5-го курса геолого-почвенного факультета В. И. Краско и доцент кафедры грунтоведения С. С. Морозов.

они учатся, не щадит затрат на оборудование университетских кабинетов и лабораторий, окружает ученого вниманием и почетом.

Одним из проявлений народной заботы об университете и уважения к нему является учреждение здесь ста почетных стипендий, носящих имя Сталина, вождя нашей страны, создателя Конституции, в которой говорится, что право на образование принадлежит каждому советскому гражданину.

В старом, императорском университете существовала должность попечителя, чье «попечение» сводилось к тому, чтобы профессора превратить в исполнительного чиновника, а студента—в некий нерассуждающий автомат, коему надлежит усвоить несколько дозволенных начальством истин.

Ныне попечителем Московского университета является весь советский народ, его партия, его правительство. Вот почему только сейчас полностью осуществилась мечта Ломоносова, высказанная им устами ученика его Барсова сто восемьдесят с лишним лет назад. Университет стал тем местом, где виднейшие ученые нашей страны обучают и воспитывают многие сотни юношей и девушек, чтобы вырастить из них верных слуг родины, преданных своему делу работников—людей, «закрытые натуры таинства открывающие».

Студенты 4-го курса географического факультета МГУ.

И. Зарубин

ДОРОГА

Обрываясь у густого леса, дорога снова начинается у деревни Большие Березы и тянется три километра до разъезда Молчановка. По бокам ее лежат поля, богатые в августе, деревянные старые постройки и кирпичные здания, еще сырые. На поворотах рослые кустарники встречают путника; задолго до переправы слышен шум водяной мельницы, за которой начинается подъем и откуда виднеются пашни, луга, пастбища и дома селения Рословки.

Днем дорога пылит под копытами низкорослой лошади почтальона, под тяжелыми колесами грузовиков, и пыль, словно забавляясь, кружится на искрящихся спицах велосипедов. Поздними вечерами гуляет по дороге молодежь, гуляют и пожилые, отдыхая на высоком крыльце и подолгу всматриваясь в неподвижную темноту.

На рассвете теплого сентябрьского дня к дому старшего бригадира Серафимы Шиповой не торопясь подъехала подвода и остановилась у окна, задернутого белой занавеской.

— Сейчас выхожу!—крикнула Серафима, не открывая окна.— Почему так рано?

— Не спится,— услышала она ответ Николая Злобина, заведующего колхозной лавкой.

Вчера было условлено, что провожать старшего бригадира поедет председатель колхоза. Серафима собиралась о многом поговорить с ним в пути, поэтому даже не попрощалась и рано легла спать.

Она, конечно, не знала, что Злобин долго просил председателя переуступить проводы ему:

— Мне же все равно надо на станцию. Надо относительно товаров справиться. Представляешь, начался учебный год, кого обвинят, если не будет на прилавке канцелярских принадлежностей? Нет, я уж поеду... Кроме того, может, потом и встретиться не придется... Люблю, понимаешь.

Лошадь мягко ступала по густой пыли. На телеге полулежал Злобин. Стояли небольшой новый чемодан и квадратный сундук.

Серафима шла по узкой тропинке у края дороги. Ей не хотелось разговаривать с Николаем. Говорить сейчас — значило вспоминать прошлое, еще совсем свежее, но все же перевязанное временем, как исписанные тетради школьника, спрятанные на память...

Летом прошлого года приезжал к знакомым в Большие Березы студент пятого курса Машиностроительного института Александр Васильевич Слободской. Невысокий, худой, чуть лысеющий, с лицом смуглым и молодым. Он мало общался с окружающими и даже в самые жаркие дни не выходил из избы, работая над дипломным проектом.

Только под вечер, когда темнело, Александр гулял по дороге, где встречал Серафиму. Через месяц после отъезда Слободской, защитив диплом, начал писать Серафиме письма.

О переписке знали в деревне. Часто письма привозил не почтальон, а Злобин, ездивший на станцию по делам колхоза. Но даже больше чем Злобина беспокоила эта переписка председателя колхоза. «Чего доброго,— думал он,— допишется до того, что уедет».

Боязно было потерять Серафиму, которая считалась одним из лучших бригадиров района. И председатель делал все, чтобы ускорить ее замужество. Он помог Злобину отремонтировать избу, он поручил Шиповой организовать детские ясли.

Но, хорошо зная характер Серафимы, ее уменье настоять на своем, председатель мало надеялся на успех. Пожилые колхозники, замечая заботу председателя, иногда говорили ему для успокоения, сами не придавая никакого значения сказанному:

— Не к лицу эта переписка бригадиру. Что у нас своих женихов мало? Чем Витька Рожков — не жених... или этот, как его... заведующий лавкой? Во как раньше бывало: батя сказал замуж — и кончено.

— «Батя сказал»... В этих делах батя — не указ,— отвечал председатель.

В самые трудные минуты, даже в страшное весеннее распутье, когда не хватало корму для лошадей, председатель знал, что ему делать, а здесь ничего придумать не мог. Он уступил проводы Николаю, надеясь на это: Николай влюбленный, может быть, уговорит, объяснится...

Серафима остановилась, посмотрела на деревню. Николай почему-то тоже остановил лошадь и приподнялся на телеге. Взгляды Шиповой и Злобина встретились. Злобин хотел что-то сказать, видимо, давно продуманное и прочувствованное, но Серафима его опередила.

— Поехали,— сказала она.

И пошла быстрым шагом, каким ходила на сенокос или на картофельное поле. Она по привычке теребила рукава кофточки: должно быть, задумалась. Чем дальше уходила она от своей родной деревни, тем больше и сложнее казалось ей хозяйство колхоза. Оно простиралось низкими, скошенными лугами, по утрам множеством ведер звенело на скотном дворе, подводами, гружеными зерном, тянулось к мельнице.

Многие, даже не очень важные дела казались сейчас Шиповой неотложными. Перед отъездом она сидела допоздна, исписала целую школьную тетрадь по косым линейкам. В этой тетради, предназначенной для нового бригадира Рожкова, было почти все, о чем Серафима не успела распорядиться и что, по ее мнению, следовало бы сделать. Прощаясь, она обошла всех, со всеми побеседовала, каждому говорила:

— Как будто ничего не забыла, как будто все ясно.

Она боялась что-нибудь забыть, упустить главное. Все ей казалось главным. Колхозники отвечали: «Все ясно, ничего не забыто, все будет сделано, можешь ехать».

Такие спокойные ответы начали ее тревожить. Сейчас почувствовала она затаенную обиду: «Пожалуйста, можешь ехать, без тебя справимся...» Возможно, это не так, но как все же будет без нее?.. Кстати, она забыла напомнить председателю, что послезавтра совещание в районе...

Злобин следил за каждым движением Шиповой, привычным и знакомым ему. Мгновениями он забывал, что дорога ведет к разъезду Молчановка и что он Севего только провожатый. Неожиданно для себя он заметил чтото новое в походке Шиповой.

О чем думает Шипова?

В суете и шуме большого города ярко представляла она в своем воображении лицо инженера Слободского, комнату на шестом этаже. И почему-то видела себя стоящей на берегу узкой холодной лесной реки. Ветер, раздвигая густые ветки, обдает прохладой ее свежее после купания тело.

Злобин заметил, как долго задержалась на лице Шиповой улыбка, как она почти по-детски побежала вприпрыжку за цветком, сорвала его и взяла в рот. Очень хотелось Злобину, чтобы улыбка и игра с цветком предназначались ему.

Потом походка ее опять стала будничной. Она шла быстро, устремленная вперед, точно большие неотложные дела требовали ее присутствия.

Уже проехали мельницу, уже миновали подъем, откуда виднеется селение Рословка. Здесь дорога сужается и тянется среди высоких кустарников.

Злобин еще на подъеме слез с подводы и зашагал рядом с Шиповой.

Эта часть пути была самой трудной для Николая. Он понял, что сейчас, когда они вдвоем, самое время объясниться. Но он не решается. Он вплотную подходит к Шиповой и молчит. Что сказать? Что у него хорошая изба, что у него хорошее имя? То же самое есть и у нее. Может быть, просто подойти, решительно обнять и сказать:

— Не уезжай, Серафима, я очень тебя люблю, не уезжай...

Может быть, спросить:

— Любишь ли ты меня, Серафима Шипова?

А если ответит: «Не люблю»? Обязательно ответит «Не люблю». Лучше и не спрашивать.

Дорога выбегает из кустарников, пересекает поле и упирается в белый каменный дом разъезда Молчановка. Мимо дома проходят товарные составы, черные издалека. При виде этого шире и свободнее вздохнул Злобин, словно он примирился с большой потерей.

Поезд пришел с жестокой точностью. Николай помог Шиповой войти в вагон.

Злобин был удивлен, когда к разъезду подъехала подвода с председателем колхоза, старым кладовщиком и тремя молодыми колхозниками. Они приехали провожать Серафиму.

...Дорога сузилась и потянулась среди высоких кустарников. Никем не управляемые, лошади медленно двигались друг за другом. За подводами молча шли провожавшие. Никто не решался начать разговор раньше, чем это сделает председатель. А председателю не хотелось говорить. Он был зол на себя, на свою беспомощность и почему-то сердился на Злобина, словно Николай не выполнил его распоряжения по хозяйству.

После длительного молчания он спросил с улыбкой:

— Значит, канцелярские принадлежности будут?

— Будут,— ответил заведующий лавкой.

Снова наступило молчание, которое нарушил старый кладовщик:

— Тут уж ничего не поделаешь. Тут уж девка такая. У нее дорога своя...

Председатель ничего не сказал. Сейчас так же, как много лет назад, когда только организовывался колхоз, председатель думал о своей роли руководителя. Тогда было много трудных дел, требовалась изворотливость. С годами самые сложные вопросы стали для него привычными.

Но отъезд Шиповой заставил его задуматься. Он огорчался уже не столько тем, что потерял опытного бригадира, сколько самым фактом отъезда Серафимы.

Он почувствовал новые, какие-то особые обязанности.

И огорчался потому, что не знал, какие это, собственно, обязанности и в чем они заключаются...

Позади, далеко отстав от остальных, идет Злобин. Вид у него виноватый. Он не знает, в чем его вина, но он ощущает ее явственно.

«Что же ты, Шипова, уехала?»

...Поезд набирает скорость, поднимается в гору, идет среди полей. Из окна виднеется дорога. Шипова смотрит в окно: дорога вьется возле кустарников, бежит вверх, падает вниз и обрывается у реки, чтобы начаться снова.

И. С. ТУРГЕНЕВ И МУЗЫКА ПОЛИНЫ ВИАРДО

Имя певицы Полины Виардо-Гарсиа прославилось в прошлом веке на оперных сценах и концертных эстрадах всей Европы.

В России Чайковский писал в своих музыкальных фельетонах о «поразительных гениальных порывах могучего таланта», присущих таким художникам, как Виардо. На Западе «и Мейербер, и Обер, и Россини, и Вагнер в одно слово объявили, что она — сама музыка»,— так свидетельствовал И. С. Тургенев.

До сих пор почти не освещена интересная страница литературно-музыкального содружества великого русского писателя и замечательной артистки. Полина Виардо была не только выдающейся певицей. Она обладала и ярко выраженным композиторским даром. Франц Лист настолько оценил способности Виардо, что стал ее учителем по композиции. И блистательная певица, пожалуй, более всего гордилась своим профессиональным искусством композитора. Именно с этой деятельностью связано наиболее тесное творческое общение Тургенева и Виардо.

В 60-х годах, когда Тургенев и семья Виардо жили в Бадене, Тургенев, уже отошедший от драматургии, написал на французском языке несколько либретто для музыкальных комедий Полины Виардо. Тургенев вспоминал об этом:

«В зале моего дома устроилось подобие театра — и с тех пор уже довольно многочисленная публика, в рядах которой находились первоклассные музыкальные авторитеты, могла оценить замечательный композиторский талант г-жи Виардо».

Так создались оперетты: «Le dernier sorcier» («Последний колдун»), «Trop de femmes» («Слишком много женщин»), «L'ogre» («Людоед»). Вначале они шли только на домашней сцене. Женские партии пела сама Виардо и ее дочери. Тургенев охотно исполнял главные роли: паши, колдуна, людоеда. Близкий друг писателя, немецкий публицист и художник Людвиг Пич, увековечил артистические выступления Тургенева в своей зарисовке «Тургенев — людоед».

Франц Лист, который готов был инструментовать музыку «Последнего колдуна», «стал настоятельно требовать ее безотлагательного исполнения» на сцене Веймарского театра. Премьера прошла в 1869 году с большим успехом.

Весть о новых музыкально-драматургических произведениях Тургенева дошла до его русских друзей. П. В. Анненков верно оценил культурное значение этого события. «Опера г-жи Виардо,—писал Анненков,— на текст И. С. Тургенева обойдет, вероятно, множество европейских сцен, и желательно было бы, чтоб она не миновала и русской».

Очевидно, благодаря горячей рекомендации Листа, который писал об оперетте Виардо своим музыкальным друзьям, она много раз ставилась заграницей. До России, к сожалению, это произведение так и не дошло. Больше того, мы даже не имеем на русском языке тургеневских текстов оперетт Виардо. Лишь сам Тургенев рассказал сюжет «Последнего колдуна» в своей статье «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре», появившейся в «СПБ ведомостях» в 1869 году. Сохранился еще сокращенный немецкий перевод этого же либретто, опубликованный в «Русских пропилеях» (т. III). Остальные тургеневские либретто остались заграницей в архивах семьи Виардо.

«Тургенев — людоед».

Зарисовка худ. Людвига Пича

Полина Виардо.

Рисунок худ. Людвига Пича

Исследователи упоминают обычно об этих либретто И. С. Тургенева, не связывая их с давним и действенным интересом русского писателя к музыкальным композициям Полины Виардо (см., например, «Театр Тургенева» Леонида Гроссмана). Между тем Тургенев и прежде активно помогал и подсказывал Виардо литературные темы для ее композиций. К концу 60-х годов, когда появились их оперетты, Полиной Виардо было уже написано около тридцати романсов на тексты русских поэтов. В этом собрании блещут имена Пушкина, Лермонтова, Фета. Виардо не владела русским языком. Самый отбор текстов говорит об инициативе и руководящей роли Тургенева. Тонкий знаток музыки, Тургенев был и первым судьей, который решал, насколько верно воплощен в музыке Виардо тот или иной поэтический замысел.

«Многие из них прелестны,— писал о русских романсах Виардо Тургенев,— и, во всяком случае, стоят неизмеримо выше обыкновенных произведений этого рода». Не зря Тургенев счел возможным, далее, печатно заявить, что эти романсы «составляют прекрасную коллекцию, которой следует находиться в руках каждого любителя пения».

Но русские романсы Виардо встретили скептическое отношение среди отдельных музыкантов. Тургенев сформулировал смысл их критики: «Как может иностранка, испанка, да еще певица — писать русские романсы?» И Тургенев сам же отвечал: «Как будто, музыка не есть всеобщий язык и как будто те... штаботмистры в отставке и полинялые светские дамы, которыми снабжается наш музыкальный рынок и которые набирают свои романсики по слуху, тыкая одним пальцем по фортепианам,— как будто они способны найти настоящее музыкальное выражение поэтической мысли лучше, чем гениальная дочь Гарсиа».

Романсы Виардо в 60-х годах были изданы в Петербурге фирмой Иогансона. Несмотря на горячие отзывы Тургенева они надолго остались в забвении. В государственной нотнице и в Ленинской библиотеке в Москве, ленинградской библиотеке имени Салтыкова-Щедрина можно разыскать сейчас эти старые нотные тетради. Среди них привлекают романсы на слова Пушкина («Цветок», «На холмах Грузии», «Заклинание», «Узник»), лермонтовские песни («Русалка», «Казачья колыбельная песня», «Ветка Палестины», «Утес»), романсы на слова Фета («Тихая звездная ночь», «Две розы»), наконец, музыка на слова самого Тургенева («Синица», «На заре») и др. Большинство этих несправедливо забытых романсов Полины Виардо действительно пленяют своей искренностью, теплотой, изяществом, мелодической свежестью. Во многих ее сочинениях чувствуется рука композитора-профессионала и блестящего вокалиста.

Всю жизнь Тургенев внимательно следил за композиторской деятельностью Виардо. То сообщает он друзьям, что Виардо «действительно гениально переложила на музыку «Перед судом» Гете», то пишет о новых ее произведениях. Так было до самой смерти Тургенева. О том, какую роль играл сам Тургенев в композиторском творчестве Виардо, красноречиво говорит ее письмо к Людвигу Пичу, написанное после смерти Тургенева: «Я ничем не могу заняться — беру книгу и не понимаю, что читаю, я не могу заняться композицией, мысли исчезли...»

Романсы Полины Виардо стоит вернуть в наш литературно-музыкальный обиход. Первая такая попытка уже была сделана в Ленинграде. Песни Виардо, исполненные на юбилейных лермонтовских концертах Пушкинского общества, вызвали живой отклик. Нет нужды доказывать, какой интерес представляют ее романсы на слова Пушкина и особенно Тургенева, прошедшие через его собственную взыскательную художественную критику.

Е. КАНН

Новое в науке и технике

НОВЫЙ МЕТОД ЗАКАЛКИ СТАЛИ. В лабораториях компании «Вестингауз» (США) разработан новый метод закалки стали. Стальные изделия, нагреваемые в печи до 1095° С в атмосфере водорода и азота, охлаждаются в специальной камере, присоединенной к печи, без погружения в масло или в воду, как это делается обычно. В результате такой закалки, после четырехчасового пребывания в печи и камере охлаждения, на отполированных изделиях из углеродистой стали не обнаруживается ни малейшей окалины. Этот метод избавляет от необходимости подвергать стальные изделия шлифовке после закалки, то есть позволяет достичь значительной экономии времени и средств.

ЗАВОД БЕЗ ОКОН. Первый в мире завод без окон, постройка которого задержана была в 1931 году экономическим кризисом, достроен и пущен в 1939 году в США. Все цеха (завод изготовляет инструменты), а также конструкторское бюро и заводская контора находятся в одном здании без перегородок. Кондиционная установка обеспечивает одинаковые температуру, влажность и т. п. независимо от погоды, ни от времени года. За час весь объем воздуха в здании сменяется примерно пять раз. Флуоресцирующие лампы заливают рабочие места ровным светом, почти без теней. Стены здания, сделанные из специального материала, и потолок, изолированный пробкой, настолько смягчают шум, что он не мешает служащим и даже лабораторным работникам. В здании завода устроен специальный тротуар для экскурсантов.

ТУННЕЛЬ ПОД ЛАМАНШЕМ. В Англии и во Франции вновь поднят вопрос о сооружении туннеля под Ламаншем. Впервые эта идея была высказана 137 лет назад французским горным инженером Метье, представившим свой проект Наполеону. В последующие годы вопрос о сооружении туннеля подвергался неоднократному обсуждению, а в 1882 году две промышленных компании (английская и французская) даже приступили к строительным работам. На обоих берегах пролива были пройдены две шахты, из которых началась встречная проходка туннелей. Однако уже в следующем, 1883 году специальная комиссия добилась в английском парламенте решения о приостановлении работ. Английские газеты того времени наперебой твердили, что Англия должна остаться островом, полностью изолированным от материка и гарантированным от всякого вооруженного нападения. К моменту приостановки работ туннель был пройден с французского берега на расстояние 1840 метров, с английского — на 1890 метров.

Во время первой мировой империалистической войны вопрос о туннеле снова обсуждался в английском парламенте, но и на этот раз было вынесено отрицательное решение. Несмотря на то что островное положение Англии с развитием авиации потеряло свое былое стратегическое значение, английские «изоляционисты» в 1924 году провалили законопроект о сооружении туннеля.

В 1939 году вопрос о туннеле для безопасной переброски вооружения и солдат на материк вновь поставлен в Англии.

Общая длина туннеля должна составить около 48 километров, из них более 38 — под морским дном.

Печать указывает, что если туннель поможет сократить длительность войны хотя бы на две недели, он вполне окупит себя, так как каждый день войны обходится Англии и Франции в 2 миллиарда франков.

СРЕДСТВО, УСКОРЯЮЩЕЕ ЗАЖИВЛЕНИЕ РАН. В Англии производятся сейчас широкие опыты с применением нового средства, сокращающего период заживления ран. Средство это, называемое эпикутин, открыто доктором Альбертом Фишером, директором Биологического института в Копенгагене. Средство это добывается из десятидневного зародыша курицы, но это средство не находило широкого применения ввиду неустойчивости своего состава. Доктору Фишеру удалось получить его в стабильной форме, ввиде порошка в соединении с каолином. Способ применения его очень прост: рану посыпают порошком эпикутина и покрывают стерильной марлей; новая присыпка совершается раз в пять дней. Период заживления при применении эпикутина сокращается на одну треть.

«НОВЫЕ ПРОСТОРЫ». ДАВИД ГОФШТЕЙН. Стихи. Перевод с еврейского. Гослитиздат. 1939.

Лейтмотивом нового сборника стихов Давида Гофштейна является радость коллективного труда, счастливая жизнь, ненависть к врагам:

«...И мне отвечают счастливые нивы:
— Растила нас сила, лелеял нас труд...
И силу и труд — тут обоих зовут —
Мощь коллектива!»

(Из цикла «Новые поля», перевод Л. Руст)

Ярко выражены гнев и ненависть поэта к троцкистско-бухаринским бандитам, ко всем посягающим на нашу счастливую жизнь в стихотворении «Враги»:

«Ничтожные рабы у своры псов презренной!
Следы тех черных дел, что вы творить посмели,
надеясь возвратить нас под пяту господ,
Сотрем мы навсегда с земли своей священной,
И к новым подвигам, невиданным доселе,
Пойдет еще быстрей могучий наш народ».

(Из цикла «Размышления и думы», перевод Л. Руст)

Цикл «Размышления и думы» наиболее актуален по содержанию и совершенен по форме. Здесь такие замечательные произведения, как «Сталину», «Наш герб», «Наш Горький», «Серго», «К двум эпиграфам».

К сожалению, не все переводы как в цикле «Размышления и думы», так и в остальных стоят на должной высоте. Переводчикам не всегда удается передать своеобразие и богатство нюансов, отличающих поэтическое творчество Давида Гофштейна.

К наиболее удачным переводам следует отнести «Наш Горький» — В. Щепотева, «Серго» — А. Ойслендера, «Разговор» — О. Левонтина, «Золото» (отрывок из поэмы) и другие — В. Элинга, перевод Л. Руст.

ЭМИ СЯО. Китайские рассказы. Перевод с китайского. Гослитиздат. 1940. Тираж — 10 000 экз. Цена в переплете — 3 р. 50 к.

Книга рассказов Эми Сяо посвящена героической борьбе китайского народа против японских захватчиков.

В ряде рассказов («Тянь Цзо-Мин молчала», «План полковника Идо» и др.) отображены героизм и самопожертвование народных борцов за свободу и независимость Китая, храбрость и отвага бойцов 8-й народно-революционной армии, мужество партизан, сражающихся с ненавистными самураями. («Армия Народа», «Хозяйка», «Три друга», «Бой под Пинсингуанем», «Комиссар Лань Ин» и др.) В книге одиннадцать рассказов, из которых девять переведены Маргаритой Сенгалевич.

Д. МАНЕВИЧ

Физкультура и спорт

САМОКОНТРОЛЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА. Заботясь о развитии и закалке организма, каждый физкультурник должен самостоятельно контролировать состояние своего здоровья. Для этого существует ряд норм и правил, позволяющих достаточно объективно судить о результатах проделанной работы.

Индекс Бушара дает возможность легко определить упитанность человека. Для этого надо свой вес в килограммах разделить на рост, выраженный в дециметрах. Частное от такого деления покажет:

2,0—2,9 кг — резкое истощение;
2,9—3,2 кг — истощение;
3,2—3,6 » — худоба;
3,6—4,5 » — нормально;
4,5—5,4 » — чрезмерный вес;
Свыше 5,4 кг — ожирение.

Показатель 3,9 считается идеальным для женщин; 4,0 — для мужчин.

Существует довольно точный показатель и для определения состояния здоровья человека. Для этого емкость легких, измеренную в кубических сантиметрах, надо разделить на вес тела в килограммах. Нормальным для мужчин считается показатель 60, у женщин — 50. Чем больше эти цифры, тем лучше.

Кажется, нет ничего проще, как измерить свой рост, вес и подуть в трубку спирометра для определения емкости легких. Но нельзя забывать, что и эти данные непрерывно изменяются. Поэтому надо тщательно следить за их изменениями.

Под влиянием длительной и тяжелой работы рост даже взрослого человека может уменьшиться на 1—4 сантиметра. Если рост не возвращается к исходному через 24—36 часов,— это уже ненормально и следует обратиться к врачу. Так же следует поступать, если в результате проделанной работы потеря веса превышает 3 процента от исходного. Что касается пульса и дыхания, то здесь необходимо знать следующее.

В среднем нормальный пульс у мужчин: стоя — 78 ударов в минуту, сидя — 70, лежа — 65. У женщин соответственно: 82, 75 и 70. Повышение пульса до 160 ударов еще допустимо. Если же число ударов превышает этот предел или пульс не возвращается к исходному после 30-минутного отдыха, следует обратиться к врачу, ибо налицо показатель переутомления сердца.

Норма дыхания — 12—14 вдохов в минуту. Это число не должно увеличиваться больше чем на 75 процентов. Если после 15-минутного отдыха дыхание не возвращается к норме, необходимо посоветоваться с врачом.

Зная пределы допустимых нагрузок для своего организма, каждый советский физкультурник может легко направить свое развитие так, чтобы добиться наивысшей производительности труда и уменья защищать родину, не страшась никаких трудностей.

МАТЧ БАСКЕТБОЛИСТОВ. Несколько лет назад, когда команда советских спортсменов останавливалась проездом в Париже, французы предложили нашим баскетболисткам сыграть матч со сборной мужской командой. Необычность этого предложения объяснялась очень просто. Ни одна из женских зарубежных команд не могла оказать советским спортсменкам серьезного сопротивления. Вызов французов прозвучал несколько иронически. Однако советские баскетболистки приняли этот вызов. Необычный матч состоялся и... французские баскетболисты ушли с площадки побежденными.

Баскетбол пользуется в нашей стране большой популярностью. Сотни тысяч ребят и девушек увлекаются этой мужественной и полезной игрой. С большим интересом ожидался матч баскетболистов восьми городов, который состоялся в Москве в конце марта.

Центральной встречей матча была игра мужских команд Москвы и Тбилиси. Рослые южане предложили молниеносный темп. Сильнейший баскетболист Союза тов. Филиппов положил в сетку Москвы 5 мячей, однако перевес, завоеванный москвичами в первой половине игры, так и сохранился. Команда Москвы победила со счетом 33 : 28.

С не меньшим напряжением протекали встречи женских команд. Ленинградки выиграли у киевлянок из-за оплошности последних. Киевлянки получили два штрафных очка за то, что произвели смену игроков без предупреждения судьи. В решающей встрече Ленинград проиграл Москве со счетом 28 : 13. Столичные баскетболисты и баскетболистки, таким образом, еще раз подтвердили свой высокий класс, продемонстрировали мастерскую технику игры и боевую волю к победе.

ЭНМЭН

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

ПАТ В ШАХМАТНЫХ ЭТЮДАХ

Пат — самая оригинальная позиция в шахматах. Сторона, потерпевшая большой материальный урон, неожиданно может спастись посредством пата. Поэтому понятно, что шахматная композиция широко использует эту тему.

Если в практической партии пат встречается сравнительно редко, то в области этюдов мы имеем множество превосходных произведений на эту тему.

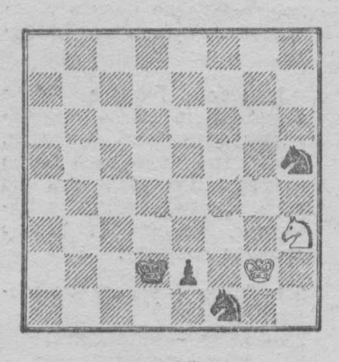
Лучшим образцом подобных этюдов на тему пата может служить коллективный труд советских мастеров шахматной композиции А. Гербстмана и Л. Куббеля.

Белые: Kpg2, Kh3 (2)

Черные: Kpd2, Kh5, f1, п. e2 (4)

Ничья.

Ввиду трудности этюда приводим его решение. Чтобы достичь ничьей, белым нужно отдать своего коня h3 за черную пешку e2. Так как два коня мат дать не могут, достигается ничейный результат. Однако эта задача осложняется тем, что черные могут превратить пешку в коня и тогда, по теоретическим исследованиям, три коня форсируют выигрыш против одного.

1. Kh3 — g1 Kf1 — e3 +

Если 1. ... e1 Ф, то ничья после 2. Kf3 +.

Другая попытка черных 1. ... Kf4 + 2. Kph1 e1 K приводит после 3. Kf3 + K : f3 к пату.

2. Kpg2 — h3 Kh5 — f4+

И сейчас 2. ... e1 K 3. Kf3+K : f3 приводит к пату. Ясно, что превращать свою пешку в какую-либо другую фигуру черные не могут.

3. Kph3 — h2 Ke3 — g4+

Выясняется, что не дает выигрыша 3. ... e1 K 4. Kf3+ K : f3 5. Kpg3, и черные вынуждены отдать одного из коней, после чего ничья.

4. Kph2 — h1 Kg4 — f2+

Назойливый белый конь g1 и после 4. ... e1 K 5. Kf3 + K : f3 приносит себя в жертву, чтобы обеспечить королю пат. Превратить пешку в ферзя или ладью черные также не могут, так как белый конь окажется связанным, и поэтому получается пат.

5. Kph1 — h2 e2 — e1 K

Теперь, кажется, настало время. Но...

6. Kg1 — f3 +! Ke1 : f3+

7. Kph2 — g3 . . .

Сразу нападая на всех трех черных коней. Ни одного из них черные ввиду получающейся ничьей отдавать не могут и вынуждены играть.

7. . . . Kpd—e3

Но и теперь белому королю пат.

В этом блестящем произведении достигаются пять различных патовых позиций несмотря на крайнюю ограниченность фигур на доске.

Следующий этюд на тему пата предлагаем читателям решить самостоятельно.

(Диаграмма № 2)

Белые: Kph8, Лh2, Cg6, Kf8 п. g7 (5).

Черные: Kpa1, Фf6, Лe8 п. f7 (4).

Ничья.

Черные угрожают дать мат после Л : f8 или взять белого слона g6.

Поэтому белым, чтобы спастись, нужно искать пата.

С помощью жертвы двух фигур белые добиваются патовой позиции.

Решение этюда № 7 Клинг (№ 1 за 1940 год)

1. Фh7—e4 + Фb8—b7
2. Фe4 — a4 + Kpa8 — b8
3. Фa4 — f4 + Kpb8 — a8
4. Фf4 — f8 + Фb7 — b8
5. Фf8 — f3 + Фb8 — b7
6. Фf3 — a3 + Kpa8 — b8
7. Фa3 — g3 + Kpb8 — a8
8. Фg3 : g8 + Фb7—b8
9. Фg8 — g2 + Фb8 — b7
10. Фg2 : a2 + Kpa8 — b8
11. Фa2 — h2 + Kpb8— a8
12. Фh2 — h8 + Фb7 — b8
13. Фh8—a1 + Kpa8—b7
14. Фa1 — a6 мат.

КРОССВОРД

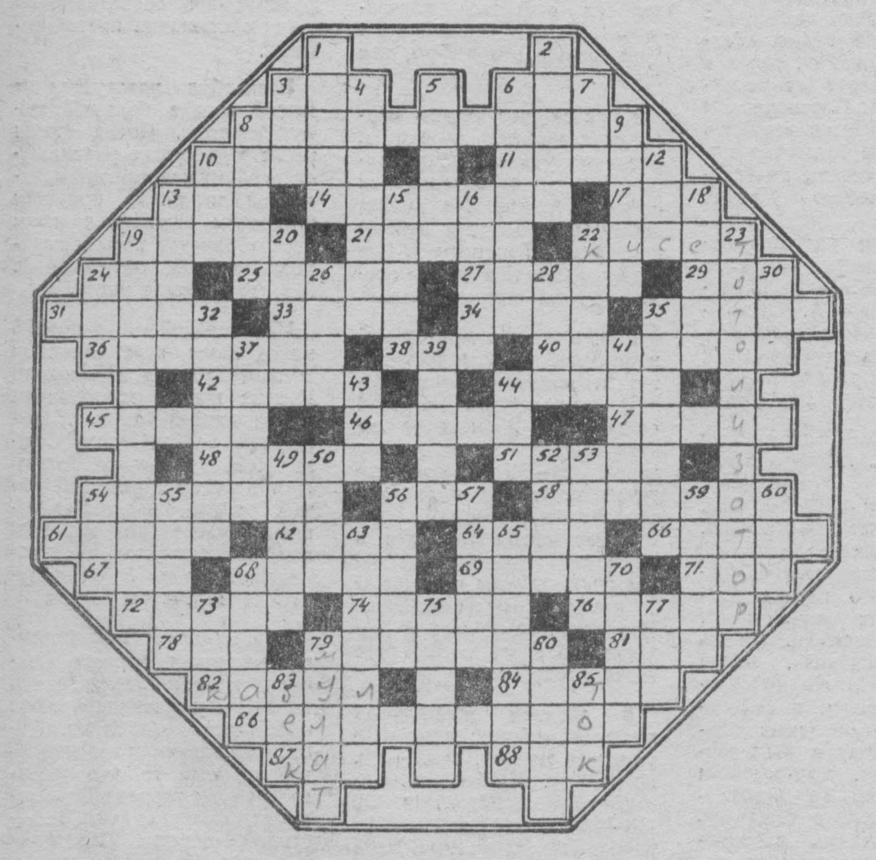
СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» И. ВИШНЕВСКИЙ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Немецкий писатель и журналист.
6. Древнегреческое сожество.
8. Закономерность в распределении минералов.
10. Животное.
11. Сверток.
13. Египетский бог солнца.
14. Мебель.
17. Часть лица.
19. Персонаж из произведения Лермонтова.
21. Вид текстильных изделий.
22. Мешочек для табака.
24. Стройматериал.
25. Мера веса в ювелирном деле.
27. Основание.
29. Часть сочинения, составляющая отдельную книгу.
31. Сорт яблок.
33. Налет на жидкости.
34. Животное.
35. Световой квант.
36. Горный проход.
38. Венгерский поэт XIX века.
40. Нарицательная цена.
42. Сорт яблок.
44. Хищное животное.
45. Военное судно.
46. Знаменитое семейство скрипичных мастеров.
47. Элемент.
48. Лес на заболоченной почве.
51. Восточный ковер.
54. Литературное выражение.
56. Придворный.
58. Любитель музыки.
61. Роман Драйзера.
62. Насыщенная солями вода озер.
64. Задание.
66. Судьба.
67. Повозка.
68. Граница водного пространства.
69. Застава.
71. Домашнее животное.
72. Приток Иртыша.
74. Заяц.
76. Кулинарный термин.
78. Волшебник.
79. Порода овец.
81. Отмель в устьях рек.
82. Столица Афганистана.
84. Деталь механизма.
86. Стройматериал.
87. Палач.
88. Сибирский козерог.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Железный колчедан.
2. Смазочное вещество.
3. Наплыв на стволах деревьев.
4. Коляска.
5. Задача-рисунок.
6. Грамматическое понятие.
7. Река в Африке.
8. Прическа из искусственных или чужих волос.
9. Римская монета.
10. Взрывчатое вещество.
12. Часть корабля.
13. Кавалерист в армиях капиталистических государств.
15. Сладкий картофель.
16. Выражение недовольства.
18. Стройматериал.
19. Русский поэт XIX века.
20. Одежда.
22. Небольшой лесок.
23. Игра на конских состязаниях.
24. Образец, модель.
26. Электрическая машина.
28. Кровеносный сосуд.
30. Портовое сооружение.
32. Перерыв в работе механизма.
35. Мыслитель.
37. Пресмыкающееся.
39. Окружение крепости неприятелем.
41. Порода оленя.
43. Литературный псевдоним Богораза.
44. Колючка.
49. Персонаж поэмы Пушкина.
50. Ракообразное.
52. Болезнь.
53. Знаменитый французский актер.
54. Полевая работа.
55. Турецкая регулярная армия.
56. Рак-отшельник.
57. Одежда.
59. Мужское имя.
60. Турецкий горох.
63. Воздушный рейс.
65. Отражение осколка.
68. Вещи пассажира.
70. Группа коней.
73. Крюк.
75 Капкан.
77. Озеро в Армении.
79. Потомок от браков белых с неграми.
80. Род птиц.
83. Игрок футбольной команды.
85. Место молотьбы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 12 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Каратыгин. 5. Кото. 7. Мотив. 8. Гуно. 10. Домье. 11. Опера. 12. Офорт. 15. Игрок 19. Амати. 21. Направник. 22. Виола. 25. Шуман. 27. Серов. 30. Орган. 31. Ребер. 34. Палитра. 35. Фагот. 37. Енот. 38. Балл. 39. Бас. 40. «Лес». 41. Изаи. 43. Бизе. 44. Герен. 46. Токката. 48. Рондо. 50 Шопен. 51 Робер. 52. Нюанс. 55. Балет. 57. «Риголетто». 59. Актер. 60. Лекок. 63. Сонет. 66. Луини. 67. Арена. 68. Ария. 69. Роден. 70. Рамо. 71. Репетиция.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Комма. 2. Ромео. 3. Гавот. 4. Нонет. 5. Кади. 6. Одеон. 8. Гамма. 9. Обри. 13 Фарс. 14. Ревю. 16. Галле. 17. Галоп. 18. Цитра. 20. Труба. 22. Верещагин. 23. Декоратор. 24. Балакирев. 26. Натюрморт. 28. Валадон. 29. Кин. 30. Оркестр. 32. Бекар. 33. Репин. 35. Флиер. 36. Гайдн. 42. Акт. 45. Ерник. 46. Теннис. 47. Аорта. 49. Огайо. 53. Соло. 54. Шере. 56. «Земля». 58. Легар. 59. Арфа. 61. Коро. 62. Минор. 63. Сироп. 64. Танец. 65. Песня.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа. Техредактор А. Котельникова.

Уполн. Главлита А—28044. Изд. № 504. 3 п. л. Знак. в печ. л. 105 000. Сдано в набор 13/IV—40 г. Подписано к печати 8/V—40 г. Зак. № 1366. Тир. 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ

и рассылается подписчикам

ВТОРОЙ ТОМ

БОЛЬШОГО СОВЕТСКОГО АТЛАСА МИРА

Второй том содержит политико-административные, обзорные, экономические и физические карты СССР (по республикам, краям и областям) **и карты по истории гражданской войны в СССР.**

●

ЦЕНА ВТОРОГО ТОМА

в ФУТЛЯРЕ С ЗАМКОМ (1-й вар.) — 500 руб.
В ПАПКЕ . . . . . (2-й вар.) — 450 руб.

Выдача Атласа московским подписчикам производится в помещении ДИАПОЗИТИВТОРГА: **Москва, ул. Разина, д. 3, пом. 74,** с 1 ч. до 5 ч. дня.

Атлас выдается за наличный расчет; организации и учреждения могут произвести оплату путем банковского перечисления или почтового перевода на расчетный счет ДИАПОЗИТИВТОРГА № 60188 в Дзержинском отделении Госбанка Москвы.

●

Иногородним подписчикам второй том высылается по почте наложенным платежом по получении от подписчиков извещений об их согласии на высылку Атласа по новой цене.

ДИАПОЗИТИВТОРГ

НАРКОМПРОС РСФСР

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КУРСЫ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

ИН-ЯЗ

Москва, Кузнецкий Мост, 3.
Телефон К 3-90-42.

ПРИЕМ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ГОДА

НА ОТДЕЛЕНИЯ

АНГЛИЙСКОГО и НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

и на первый и второй курсы

ФРАНЦУЗСКОГО

Программа первых двух курсов соответствует программе по языку полной средней школы, программа трех курсов — программе втузов и вузов.

ИМЕЕТСЯ СПЕЦИАЛЬНОЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Окончившим выдается соответствующее свидетельство.

Подробности в проспекте.

Проспект высылается за 60 коп. почтовыми марками.

СПРАВКИ с 9½ до 20 **часов ежедневно, кроме общевыходных.**

Ленинградское отделение курсов: Ленинград, Апраксин пер., 2.

КНИГИ

ВЫСЫЛАЕМ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939 года. Описание с иллюстр., в коленк. переплете. Цена 7 р. 50 к.

Новые виды изделий ширпотреба по иностранным патентам. Изд. 1940 года. Цена 5 руб.

«Красная Армия»—альбом игрушек-самоделок для вырезывания и склеивания для ребят. Цена 2 р. 75 к.

Берман «Четыре скорости». Первая книга об автомобиле для юношества. 1936. Цена 2 р. 70 к.

Таблицы. «Мотоцикл «А-300», 5 фотосхем с прилож. дорожн. знаков. 1939. Цена 14 руб.

Проекты колхозных клубов и районных домов культуры. Изд. Акад. архитектуры. 1937. Цена 27 руб.

«Дамские прически». Альбом 1940 года, в коленк. переплете. Цена 25 руб.

Заказы адресовать на открытках. Ленинград, 182. П. О. Книжн. маг. ЛЕНКУЛЬТТОРГА.

От учреждений и организаций заказы не принимаются.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

НОТНЫЙ МАГАЗИН МОГИЗа

ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ (без задатка)

ОПЕРЫ для ПЕНИЯ

МУСОРГСКИЙ, М. «Женитьба». Музыкальная комедия в 4-х актах. 22 р. 50 к.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, Н. «Золотой петушок». Опера в 3-х актах. 13 руб.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, Н. «Майская ночь». Опера в 3-х актах. 17 руб.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, Н. «Моцарт и Сальери». Драматические сцены А. Пушкина. 6 р. 50 к.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, Н. «Снегурочка». Опера в 4-х актах с прологом. 25 руб.

ЧАЙКОВСКИЙ, П. «Пиковая дама» Опера в 3-х актах. 20 р. 50 к.

ДЗЕРЖИНСКИЙ, И. «Поднятая целина». Музыкальная драма в 4-х актах. 24 руб.

ЧИШКО, О. «Броненосец «Потемкин». Опера в 4-х актах. 30 руб.

ВАГНЕР, Р. «Нюрнбергские мейстерзингеры». Опера в 3-х актах. 20 руб.

ПУЧЧИНИ, Д. «Мадам Беттерфляй» (Чио Чио-сан). Опера в 2-х актах. 27 руб.

ПЕРЕСЫЛКА за счет заказчика.

Москва, Неглинная, 14. Ноты почтой Могиза.

Огонек
Цена 50 коп.
НАГАТИНСКОЕ ШОССЕ
17 1.12 ОГОНЕК